

"Люба, Любочка, Любовь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Мария Барская

Люба, Любочка, Любовь

I

Гарри Фомич собрал нас в обеденный перерыв. Мы еле поместились на маленькой кухне. Гарри Фомич задумчиво поцокал языком и сказал:

— Нет, здесь слишком тесно. Берите стулья. Устроимся в зале.

Мы с шумом переместились в зал, где располагалась парикмахерская. Массажист Равиль повесил на дверь табличку: «Закрыто по техническим причинам».

Сегодня по вызову руководства пришли даже те, у кого выходной. Обычно хозяин так не делал, а тут каждого предупредил загодя, и мы уже несколько дней дружно ломали головы, в чем причина! Догадки рождались, естественно, самые неприятные. Неужели наш салон собираются закрыть? Но по какой причине? Помещение собственное, Гарри Фомича, естественно, а не наше. Клиентов много. Салон доходный. И в месте хорошем находится, близко к центру Москвы. Гарри Фомич решил нас продать? За последние годы его бизнес здорово расширился. По городу открыл с десятков подобных салонов. Ох, что же с нами будет?

Хозяин у нас эти дни не появлялся. А директор салона Зульфия Константиновна или и впрямь, как она утверждала, сама пребывала в неведении, или ей приказали помалкивать до официального объявления. Впрочем, она отнюдь не выглядела расстроенной или взволнованной.

Мы расселись, и Гарри Фомич, откашлявшись, начал:

— Значит, так. Собрались мы, друзья мои, для принятия очень серьезных решений.

Мы все, естественно, насторожились. Такое начало определенно не предвещало ничего хорошего. В зале повисла звенящая тишина.

— Во-первых, со следующего месяца мы закрываемся на ремонт.

По залу пронесся гул. Вот те на! Где это видано, чтобы в мае на ремонт закрываться. Клиент-то всю идет! Неужели нельзя потерпеть до августа, когда так и эдак затишье? И нам что, всем коллективно в мае брать отпуск? Совершенно неудобно. Дети еще в школах учатся. Никуда не съездишь, разве что на майские праздники. А на даче еще холодно. Конечно, как повезет с погодой. Иной май выдается жарче июня. Но у ребенка конец учебного года. В школе контрольная за контрольной следует. И, главное, отпуск полностью отгуляем, так сказать, в принудительном порядке, и летом из города уже не вырвешься.

Гарри Фомич поднял руку, призывая народ к тишине. Первое его заявление оказалось цветочками. Ягодки ожидали нас впереди.

— А почему мы будем делать ремонт? — Он загадочно блеснул черными, как маслины, глазами и, потерев пальцами широкий золотой перстень с крупным бриллиантом, ответил на свой риторический вопрос: — А по той самой причине, что наш салон со следующего месяца меняет ориентацию.

Равиль громко фыркнул.

— Не вижу ничего смешного. — Гарри Фомич обиженно выпятил и без того сильно выпирающую вперед нижнюю губу.

— Гарри Фомич, а в каком смысле ориентацию-то меняем? — кокетливо осведомилась регистраторша Галочка — самая молодая из нас.

Галочка приходилась дальней племянницей нашему хозяину, она только в прошлом году окончила школу, и отпраздновала свое семнадцатилетие.

Он посмотрел на нее и ласково улыбнулся.

— А в прямом, деточка, смысле.

— Сексуальном, что ли? — хихикнул Равиль.

— Ну, если хочешь, можно и так сказать. — Гарри Фомич хмыкнул. — Если раньше мы в основном обслуживали женщин, то теперь будем работать только с мужчинами.

Таймуразов заметно волновался и, как всегда в подобных случаях, акцент его, обычно едва уловимый, заметно усилился.

Салон только для мужчин? Какая муха его укусила? Зачем это нужно? Прогорим на сто процентов! У нас был салон для всех. А на десять клиенток-женщин приходится в лучшем случае один мужчина, да и тот в основном, ограничивался простой стрижкой. Нет, молодые ребята, конечно, порой и в солярий заходили или, там, от прыщей лечились. Или к свадьбе маникюр делали. Есть еще один клиент, который раз в год перед отпуском эпиляцию на спине делает. Вот, пожалуй, и все. По сравнению с женщинами — капля в море!

И что теперь с моими постоянными клиентками делать? Среди них есть такие, которые ко мне еще в НИИ косметологии на Ольховке, где я только-только начинала, бегали. Куда мне их теперь девать? На кого бросить? Вечно эти хозяева что-нибудь выдумают! Потом идея прогорит, а клиент ушел. Не вернешь его. И начинай все с нуля!

Видимо, подобные мысли пришли не мне одной. Народ загалдел.

— Мужик не пойдет! Прогорим!

— Ошибаетесь, — вступил в дискуссию Гарри Фомич. И, погрозив честному собранию наманикюренным пальцем (хозяин у нас не сапожник без сапог. И пострижен по последней моде, и одет, и даже похудел в соответствии с новыми веяниями. Вот когда мы начинали, толстый был, хотя ему только тридцать в то время стукнуло! А сейчас половина себя тогдашнего!), громко произнес: — А почему ошибаетесь? Потому что современных тенденций не улавливаете. Мужчина он разве не человек? Сегодня он очень даже человек. И хочет следить за собой. Красивым быть. Это явление даже название специальное получило. Метросексуал называется!

— В смысле сексуально на метро, что ли, ездить? — снова позволил себе приколоться Равиль, так сказать, на правах единственного мужчины в нашем женском коллективе. Есть еще Эдик, конечно, но он не в счет, потому как официальный «голубой».

Таймуразов шутке Равиля, в отличие от всех нас, не засмеялся, а с очень серьезным видом покачивая головой, ответил:

— Метро — это от слова «метрополис», то есть город.

Мне было ясно: он нервничает и старается спрятать за шутками охватившую его злость.

— Спасибо, Гарри Фомич, теперь понял. Значит, метросексуал — это секс по-городскому, — совсем разошелся Равиль.

— Ты мне договорить дашь или, может, сам выступишь? — не выдержал, наконец, хозяин.

Обстановка явно накалялась, словно перед грозой.

— В общем, мы провели маркетинговое исследование, которое показало, что идея создания специализированного мужского салона очень перспективна и коммерчески целесообразна, — продолжал Таймуразов. — Мужчины хотят потреблять косметические услуги, причем гораздо больше, чем раньше. Мужчины хотят быть красивыми, но большинство их стесняется ходить туда, куда ходят женщины. Это, друзья мои, психология. И мы должны эту психологию учитывать, так как работаем с вами в сфере услуг. Если наш салон превратится в эксклюзивный мужской клуб, мужчины перестанут стесняться своих желаний.

На сей раз захихикали женщины.

— Слово «желание» не всегда подразумевает пошлость, — осадил нас Гарри Фомич. — Желание может быть прекрасным.

— Можно вопрос? — перебила мастер по женским прическам Римма. — А персонал тоже должен сменить ориентацию? Вы нас что, на мужчин замените?

— Так вопрос не стоит, — улыбнулся хозяин. — Все, кто хочет остаться, останутся.

— Но я ведь специалист по женским прическам, — напомнила Римма.

— В таком случае либо переучись, либо в другой наш салон переброшу. А если переучиваться не хочешь и в другой салон не пойдешь... — Гарри Фомич выразительно вздохнул, шумно выдохнул воздух и, разведя руками, закончил: — Тогда без обид, расставаться с тобой нам придется.

Юля резко помрачнела. Она, как и я, жила близко от места работы, и клиентура у нее тоже образовалась давняя, постоянная и весьма многочисленная. Переучиваться или перебираться в другой салон совершенно не входило в ее планы.

— То, что я сейчас объяснил нашей уважаемой Юле, касается абсолютно всех остальных, — уточнил хозяин. — У вас есть неделя, в течение которой нужно решить, остаетесь вы или нет. Если остаетесь, даю две недели отпуска плюс к майским праздникам. Оставшиеся две недели можете отгулять летом.

Нет, он еще по-божески поступает, про себя отметила я.

— Потом начнется неделя стажировки! — Торжественно провозгласил Таймуразов. — На фирме договорился. Новые препараты изучать будете, как ими пользоваться. Мы ведь теперь начинаем работать со специальной линией мужской косметики.

— А мне тоже на курсы ходить? — поинтересовалась уборщица Катя.

Фомич на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Если хотите, милости просим. Но вам все равно придется начать тут уборку после ремонта. Сможете совместить — пожалуйста.

— Я подумаю, — стусевалась Катя.

— Время пребывания на стажировке не оплачивается. Оформите как отпуск за свой счет.

Это хуже, подумала я.

— Но сама стажировка совершенно бесплатная.

Ну да. Небось фирма нашему Фомичу еще приплатила, чтобы он ее продукцию брал.

— Вопросы какие-нибудь имеются? — оглядел нас хозяин.

Вопросов, разумеется, возникало множество, но они как-то еще окончательно не сформулировались, и люди подавленно молчали.

С довольной физиономией сидел один Эрик. Ему-то переучиваться ни в чем не надо. Во-первых, он мастер по мужским прическам. А уж закрытый мужской клуб для него то, что доктор прописал. Римма, другой мужской мастер, таким полным счастьем, как Эрик, не лучилась, но тоже не грустила.

Собственно, а сама-то я что расквасилась? Неужто своих преданных клиенток уж как-нибудь в этот мужской клуб не проведу? У нас ведь везде так. Хотя и нельзя, но если очень хочется, то можно. Буду по-прежнему их принимать. Кому какое дело. Главное — прибыль. А нужного количества мужиков наверняка не наберется. Словом, выкручусь. Где наша не пропадала.

Однако Гарри Фомич, видно, предвидел и такой поворот наших мыслей. Потому что не успела я успокоиться, как он сказал:

— Хочу вас предупредить, чтобы все знали и потом никаких претензий. Мы делаем сугубо мужской салон. Клуб. С клубными картами. И принимать будем только мужчин. Никаких клиентов женского пола! Никаких исключений! Ни для единой живой души! Так что, прежде чем дать окончательный ответ, хорошенько подумайте. Я никого не насирую. Мы с вами давно много лет работаем. Знаю прекрасно: вы ценные специалисты. Готов каждого из вас трудоустроить в любой из других своих салонов, если этот теперь не подходит.

Он ушел, а мы остались и с ходу атаковали директрису.

— Зульфия Константиновна, как же так? Что же я теперь стану делать. У меня двое детей! Как я кормить их буду? — чуть не плакала Юля.

— Ой, ты такой мастер, не пропадешь! — бросилась успокаивать ее Римма. — Гарри же не на улицу тебя выкидывает.

— Ага. А мне в другом районе начинать все сначала, — со слезами на глазах продолжала несчастная Юлька. — Мои-то постоянные в такую даль не потащатся.

— Да сейчас эти салоны, как грибы, появляются, — продолжала Римма. — Здесь рядом найдешь какой-нибудь, устроишься и клиентуру туда перекинешь.

— Везде своих берут, — всхлинула Юля. — Пока найдешь, пока устроишься. А мне кредиты отдавать. Набрала тут всего.

— Мужиков, что ли, стричь не сможешь? — спросила Римма.

— У меня мужики так хорошо не получаются, — прохныкала Юля. — Да все равно уходить придется. Это наш Гарик пока уверяет, будто мы все останемся, а после выживет тех, кто постарше. Если здесь закрытый мужской клуб будет, они девок смазливых помоложе наберут или таких вот. — И она указала пальцем на Эдика.

— Попрошу не оскорблять! — вспыхнул тот. — Я, между прочим, вам ничего плохого не сделал и ни в чем перед вами не виноват! Идея, насколько я понимаю, принадлежит лично Гарри. Видно, решил для своих приятелей тусовочную точку организовать, чтобы законно от жен скрываться. Сами пилите мужиков, доводите, вот они от вас и прячутся.

— Слушайте, что вы между собой-то грызетесь, — вмешался Равиль. — Лучше Гарри грызите, если чем недовольны.

— А никого грызть не надо, — пресекла дальнейшие прения Зульфия. — Давайте-ка быстро перекусите, и открываться пора. Вы пока еще все зарплату получаете. Идите работайте.

Не успели мы открыться, ко мне явилась одна из моих постоянных клиенток.

— Любочка, миленькая, — просюсюкала она. — Мне сегодня, пожалуйста, вашу фирменную масочку. Ну, которая так замечательно освежает и подтягивает. У меня сегодня очень важный вечер.

— Деловой? — машинально осведомилась я.

— Что вы, что вы, — с кокетливым видом ответила она. — Здесь дело сугубо личное. Строго между нами: полагаю, мне сегодня сделают предложение.

Я чуть не грохнулась в обморок. Маргарите было лет шестьдесят. Впрочем, это мои догадки. Возраст она тщательно и давно скрывает. И вдовствует последние лет двадцать. Муж ее был академиком от какой-то сложной технической науки. По-моему, Маргарита и сама не знала, от какой. Во всяком случае, мне объяснить за два десятка лет нашего знакомства так и не смогла. Видимо, не вникала. Муж в ней души не чаял. И, даже уйдя в мир иной, оставил ее с полным набором благ: машина, квартира, дача, сберкнижки... Они, блага, разумеется, постепенно таяли под воздействием времени и смен эпох. Однако до критической точки у Маргариты не дошло. К началу девяностых подрос ее сын. Игорек оказался человеком, как ни странно, приспособленным к жизни и оборотистым и принял эстафету заботы о мамочке. О роде его занятий она также имела весьма смутное представление, но, судя по тому, что ко мне ее доставляли на «Ауди» с шофером, все в ее жизни по-прежнему шло более чем нормально. И чаевые она мне отваливала очень щедрые. Мне ее определенно будет не хватать!

Нанося ей на лицо и шею свою фирменную маску, я напряженно размышляла: сейчас ей сказать, что салон перепрофилируется? Нет, пожалуй, потом позвоню. Зачем человека расстраивать перед таким событием! Она давно уже могла перейти в более престижное заведение, но хранила мне верность. По ее словам, таких рук, как у меня, говорила она, ни у кого нет. Стоит, мол, мне к ней прикоснуться, сразу десять лет долой, а в этих дорогих новомодных салонах неизвестно кто работает. Одна ее старинная подруга, к примеру, сделала себе за бешеные деньги у модного пластического хирурга круговую подтяжку, и ее так перетянули, что рот теперь не может закрыть. Ходит и скалится.

Нет, сегодня я точно Маргарите ничего не скажу. Но надо же, предложение в таком возрасте делают! Впрочем, почему нет? Маргарита, несмотря на возраст, выгодная невеста. Интересно,

они и свадьбу устраивать собираются?

Из дальнейшей нашей беседы выяснилось: свадьбу Маргарита планирует. И жених не какой-нибудь там молодой и бедный охотник за приданым, а солидный шестидесятипятилетний мужчина. Бизнесмен. Недавно отошел от дел и решил заняться обустройством личной жизни. Тоже уже десять лет вдовствует. Мне одно только странно: неужто помоложе невесту найти не смог? Вон сколько красивых девок с разинутыми ртами папиков в спонсоры себе высматривают. Хотя в Маргарите его, может, как раз и устраивает, что ей особенно ничего не надо, и все его состояние останется в наследство детям. Оказывается, Маргарита давно с ним знакома, дружила с его покойной женой, а после ее кончины продолжала с ним общаться. У них, видите ли, масса общих интересов. Дальновидно, ничего не скажешь. С кем бы у меня общие интересы возникли? Так ведь нет. Все подружки живы, и дай Бог им, конечно, здоровья. Живы и крепко держатся за своих мужей, у кого они есть. Большею частью они либо, как я сама, разведенные, либо вообще одинокие, так сказать, ни разу в официальном браке не побывавшие.

Ох, ну и дела. На личную свою жизнь я давно рукой махнула. Не сложилась. Ладно хоть Василиса есть. Двенадцать лет уже. Девчонка растет хорошая, серьезная. И то слава Богу. Думала, дочь есть, родители живы-здоровы, с работой полный порядок. Считаю, жизнь удалась. Ан нет. Теперь с работой не знаешь, что делать. В другой салон перейти? Но таймуразовские все далековато. Все равно часть клиентуры потеряю. Да и каждое утро мотаться в метро... Здесь-то мне два шага от дома. Конечно, лучше бы остаться. Но тогда абсолютно всех своих «девочек» растеряю. А сложится ли с «мальчиками» еще большой вопрос. В общем, я прямо не знала, что и решить. Надо с Равнем посоветоваться. Мы с ним ведь закадычные друзья-подружки. Сто лет знакомы, и я единственный человек, которому он обо всех своих пассиях рассказывает. А их у него... Любит он женский пол, а они его еще больше. И постоянно на этой почве у него в семье бури-ураганы.

Штормит у них с женой регулярно, но при этом они почему-то и не расходятся. Ну да сейчас речь не об этом. Как бы так исхитриться, чтобы и на месте остаться, и клиентов сохранить?

Ой! Я спохватилась почти вовремя, ибо, занятая размышлениями о своей невеселой судьбе, намазала клиентке на нос крем для отшелушивания пяток. Это была уже не Маргарита, другая женщина. Ничего, сейчас успокаивающую масочку сделаю, глядишь, избежим раздражения. Зато поры носика чистить не надо. Интересный эффект, между прочим. Учтем на будущее.

II

В конце дня ко мне в кабинет заглянул Равиль.

— Слушай, подруга, если у тебя планов особых нет, пойдем хоть полчаса где-нибудь посидим. Такие события, сам Бог велел стресс снять.

— Только пить не буду, — поторопилась предупредить я. — Родственники не поймут.

— Подумаешь, — Равиль отмахнулся. — Скажешь, что у кого-нибудь день рождения.

— Да они дни рождения всех наших наизусть выучить успели.

— Ой, да какая разница. Не хочешь — не пей. Главное, посидим, хоть душу отведем.

Мне тоже домой идти не хотелось. Мать наверняка заметит, что я не в своей тарелке, начнутся расспросы, а я еще ничего не решила.

— Ладно. Через пятнадцать минут закончу, и пойдем. Ты уже освободился?

— Ага. Я тебя подожду.

С Равилем у меня сразу сложились дружеские отношения. То ли я оказалась не в его вкусе, то ли он не в моем. То есть он-то точно не в моем. Во-первых, брюнет, во-вторых, слишком смазливый. Зато клиентки просто с ума по нему сходят. А он отнюдь не каждой из них отказывает. Так что в плане работы его внешность приносит свои дивиденды. Женщины из его кабинета с такими глазами выходят, будто Равиль не массаж им делал, а в рай с ними слетал.

Правда, у него не всегда с клиентками гладко получается. Каждая считает, будто она у него единственная, и он только на нее свое интимное внимание обратил. Одна даже женить его на себе вознамерилась. Вернее, были и другие с подобными намерениями, однако эта зашла дальше других. Когда Равиль объявил ей, что семья для него — святое: оставлять жену не собирается, кроме того, с самого начала ничего не обещал, она попыталась покончить с собой. Правда, к счастью, осталась жива, но нервов Равилю много попортила.

Он потом мне жаловался:

— Люба, ну что за народ! Как сами не понимают, что это у меня такая работа.

Я не выдержала и засмеялась:

— Интересная у тебя работа.

— Да они же сами ко мне лезут, а я не железный. Ты же знаешь: я никогда первый не начинаю.

Все это он так искренне говорил!

Мы устроились в маленьком кафе неподалеку от нашего салона. Кормили там просто, но очень вкусно и недорого.

Равиль заказал себе пиво и, махом опорожнив половину кружки, мрачным голосом объявил:

— Я принял решение: увольняюсь. Мне стало совсем мутно.

— А меня на кого бросаешь?

— Давай уйдем вместе. Мне тоже без тебя скучно будет.

— Ох, прямо не знаю, что и делать, — принялась я делиться с ним своими сомнениями. — Ездить куда-то каждое утро — выше моих сил. Метро ненавижу.

— У тебя теперь машина. Вот и ездь на ней, — начал уговаривать он.

— Ты прекрасно знаешь: зимой я за руль не сажусь. Да и пробки. Быстрее на метро доедешь.

Но там в толпе потеть... Нет! И на час раньше вставать придется, а у меня все расписание давно под Ваську подстроено...

— Ну ты же с ней не одна живешь, — возразил Равиль. — Мама с папой на пенсии, ничем не заняты. Отправят твою Ваську в школу. Уж как-нибудь завтраком накормят.

— Нет, Равильюшка. Это уж у меня святое. Наше с дочерью время, когда можем хоть немного

побыть вдвоем и поговорить по душам.

Равиль расстроился и осушил кружку до конца. Теперь я начала его уговаривать:

— Слушай, а может, давай пока останемся. Посмотрим, как дело пойдет. Перебраться в другое место всегда успеем. Тебе не все равно, кого массировать?

Равиль прямо взвился на стуле.

— Прекрасно знаешь: я мужикам, кроме нашего Фомича, массаж не делаю! Сколько ни пробовал, всегда каким-нибудь дерьмом заканчивается! Или ко мне начинают приставать, или думают, будто я к ним пристаю! Помнишь, как этот сумасшедший за мной со стулом по всему салону носился! А я ему только низ спины помассировал. Больше ничего не успел. У него там что-то сработало, а виноват почему-то я оказался. Ну народ!

Я помнила эту историю. Ужас! Мужик был здоровый, волосатый — типичная горилла. Он размахивал стулом и ревел, как раненый вепрь. Мы всем своим женским коллективом встали на защиту Равиля. Если бы Гарри Фомич в тот день к нам в салон не заехал, думаю, Равиля нам не отстоять. Прихлопнул бы мужик его, как муху!

Наш Таймуразов на высоте оказался. С ходу разрешил ситуацию. Увел сумасшедшего в директорский кабинет, влил в него литр элитного виски, и никакого массажа не понадобилось. Клиент ушел довольный, правда, по счастью, к нам больше не приходил.

В памяти запечатлелся и обратный случай, когда клиент влюбился в Равиля и принялся его помогать. Вполне, впрочем, цивилизованными методами. Подарки носил, в закрытые клубы зазывал. А Равилюшка наш тогда еще совсем молодой был, только что женился и, при всей полигамности, даже еще вроде ни разу не успел жене с другой женщиной изменить. А тут нате вам: мужчина подклеивается. Равиль не знал, куда деваться. И со мной бегал советоваться, как бы поделикатнее ему от этого типа избавиться, чтобы скандала не вышло.

— Люба, все-таки это клиент. Другому бы я просто по морде дал, а здесь неудобно.

— Ситуация спустя некоторое время разрешилась сама собой. Видно, клиент понял, что ему с Равилем ничего не светит, и переместился А ты, значит, меня по-другому оцениваешь.

— Вопрос не в оценке, — ушел от прямого ответа мой закадычный друг. — А в том, как себя подать. А вот этого ты совсем не умеешь.

Я вздохнула:

— Чем богаты, тем и рады.

— Врешь, — отрезал он. — Ничему ты не рада. Имея на миллион, выглядишь на копейку, а надо ровно наоборот.

— Потом все равно вскрыется.

— Дорогая, работать над собой надо, тогда не вскрыется. Наши мысли материальны. Начнешь считать себя умницей-красавицей, и все вокруг к этому постепенно привыкнут. Главное, самой поверить.

— Как тут поверишь.

— Аутотренингом занимайся, — продолжал он. — Каждое утро по десять минут перед зеркалом.

Мне стало смешно.

— Ага. Встаю я утром перед зеркалом, начинаю твердить себе, какая я красавица, а тут, конечно же, обязательно сзади мама: «Ой, как ты ужасно сегодня выглядишь. А все потому, что не выспалась. Говорила тебе: ложись пораньше. И чай нечего было на ночь пить. Теперь мешки под глазами». И что после этого останется от моего тренинга? Если только пойти и в унитазе утопиться.

— Да, — кивнул Равиль. — Твоя мама может. Но из этого следует лишь одно: занимайся аутотренингом в тех местах, где тебя никто не достанет. Запирайся, например, в ванной.

— Надолго не запрешь. У нас там утром очередь.

— Тогда в постели перед сном. В общем, сама сообрази. Надо только захотеть.

— Ладно. Попробую.

— Кстати о нормальных мужиках, — хлопнул себя по лбу Равиль. — Еще днем хотел тебе сказать, но со всеми этими пертурбациями из головы вон. Приходи к нам. Гулька рада будет.

— Опять, сволочь, наследил и грехи замаливаешь?

Я погрозила ему пальцем. Обычно он звал меня в гости после очередной своей эскапады. Гулька ко мне хорошо относится, и мое присутствие, по словам Равиля, «здорово помогает восстанавливать гармонию в семье».

— Нет, — смерил он меня укоряющим взглядом. — Я с этим, знаешь, последнее время завязал. Дело в другом. Решили устроить праздник. Друг из Тюмени приехал. Славкой зовут. Отличный мужик. Мы с ним в школе вместе учились. Кстати, в Москву собрался перебираться. Он сейчас здесь как раз на разведке. Почву зондирует.

— А я тут при чем?

— Ну как это. Познакомишься. Славка давно уже из нашей благословенной столицы уехал, и у него теперь, кроме меня, из прежних друзей никого здесь не осталось.

— Если вы с ним вместе в школе учились, то он на пять лет меня младше, — сочла своим долгом напомнить я.

— Ну, ты опять как с этим слоном! Кто тебя заставляет сразу объявлять о своем возрасте. Он у тебя в паспорте записан, а не на лбу. А выглядишь ты гораздо моложе.

— Что же, я сразу обманывать его должна?

— А он, по-твоему, сразу спросит, сколько тебе лет? Мужик, знаешь, как решает? Пришла женщина, значит, подруга Гули. А ей тридцать два. Славке это известно. Ну он и решит, что тебе приблизительно столько же.

— Но я-то сама знаю, сколько мне.

— Какая разница. Важно, насколько ты себя чувствуешь и покажется ли тебе Славка.

Остальное детали. Разберетесь. Даже если и не понравится, хоть развлечение. На халяву по ресторанам походишь. Славка щедрый.

— Что же, если он такой щедрый, у него жены до сих пор нет?

— Была, да сплыла. Ей в Тюмени не нравилось. Ребенок от местного климата болел. И у Славки работа нервная. В общем, скандалили они жутко, а потом разошлись. Теперь он в Москву возвращаться собрался, место себе здесь поспокойнее присмотрел и хочет обустроиться по полной. Квартиру приобрести, жениться, детей родить. Жена ему теперь с сыном даже видеться не позволяет.

— Что же так? Плохим был отцом?

— Да вроде нормальным. Жена стерва. За бизнесюка какого-то замуж выскочила и, видно, чтобы его привязать покрепче, заставила Славкиного парня усыновить. Сама она больше рожать не может, проблемы у нее с этим.

— Славка отказался от сына?

— Там длинная история. В результате жена с новым мужем так мальчишку против Славы настроили, что тот сам не захотел с ним общаться. Вот Славка и сдался. Раз уж так, говорит, лучше начать все по-новой.

— Большие планы, — хмыкнула я. — Только, боюсь, мне в них не вписаться.

— Ну вот, опять, — скорбно вздохнул Равиль. — Не успела еще с мужиком познакомиться, а уже настроилась на поражение. А ты не строй планов.

— И не собираюсь, — совершенно искренне заверила я.

— Вот и отлично. Считаю, что ты на нем тренируешься. Чтобы квалификацию не потерять.

— Там видно будет.

— Значит, придешь? — В синих его глазах блеснул детский восторг.

Я кивнула.

— Приду. Но, если честно, меня куда больше твоего Славки и его планов громадье собственная работа волнует.

— Меня тоже, — резко помрачнел Равиль. — Ужасно не хочется все менять.

Мы еще немного пообсуждали, как лучше выйти из создавшейся ситуации, однако мои сомнения остались при мне. Да и Равиль, кажется, ничего определенного для себя не решил.

Брела я домой в полностью растрепанных чувствах. А погода стояла великолепная. Совершенно весенний теплый вечер, пахнущий молодой зеленью. Обожаю весну! Вечно мне кажется, что она должна что-то хорошее принести в мою жизнь. С юности охватывает какой-то неясный восторг, будто за любым поворотом поджидает счастье. Вроде бы и ждать неоткуда, а веришь. Надежда и вера, как известно, последними в нас умирают.

Однако сегодня на душе было кисло и муторно, словно в зимнюю слякоть. Ну ничего прочного в жизни нет!

Дома, едва я отомкнула ключом дверь, в переднюю высыпало все семейство — мама, папа и Василиса.

— Ты что так долго? — хором поинтересовались они.

— Ма, я по алгебре сегодня пятерку получила! — торжественно сообщила Василиса.

— Замечательно! Умница!

Больше я дочери ничего сказать не успела. Мама начала принюхиваться к моим волосам. Нюх у нее очень тонкий. Особенно что касается меня.

— А ты не с работы, — с обличительным пафосом провозгласила она.

— Ну-у...

Я осеклась, сама себя презирая за малодушие. Ну почему, скажите на милость, я, давно уже взрослая, самостоятельно зарабатывающая женщина, вечно оправдываюсь, когда захожу куда-нибудь после работы.

— Ну мы с Равилем в кафе на полчаса заглянули. Ему со мной кое-что обсудить было надо.

— В кафе! — Мама выразительно закатила глаза. — Лето на носу. У тебя ребенок из всей одежды вырос, а ты по кафе шляешься. Никакой зарплаты не напасешься.

— Меня Равиль угощал, — поторопилась успокоить ее я.

— Вот и отлично. Считаю, что ты на нем тренируешься. Чтобы квалификацию не потерять.

— Там видно будет.

— Значит, придешь? — В синих его глазах блеснул детский восторг.

Я кивнула.

— Приду. Но, если честно, меня куда больше твоего Славки и его планов громадье собственная работа волнует.

— Меня тоже, — резко помрачнел Равиль. — Ужасно не хочется все менять.

Мы еще немного пообсуждали, как лучше выйти из создавшейся ситуации, однако мои сомнения остались при мне. Да и Равиль, кажется, ничего определенного для себя не решил.

Брела я домой в полностью растрепанных чувствах. А погода стояла великолепная. Совершенно весенний теплый вечер, пахнущий молодой зеленью. Обожаю весну! Вечно мне кажется, что она должна что-то хорошее принести в мою жизнь. С юности охватывает какой-то неясный восторг, будто за любым поворотом поджидает счастье. Вроде бы и ждать неоткуда, а веришь. Надежда и вера, как известно, последними в нас умирают.

Однако сегодня на душе было кисло и муторно, словно в зимнюю слякоть. Ну ничего прочного в жизни нет!

Дома, едва я отомкнула ключом дверь, в переднюю высыпало все семейство — мама, папа и Василиса.

— Ты что так долго? — хором поинтересовались они.

— Ма, я по алгебре сегодня пятерку получила! — торжественно сообщила Василиса.

— Замечательно! Умница!

Больше я дочери ничего сказать не успела. Мама начала принохиваться к моим волосам. Нюх у нее очень тонкий. Особенно что касается меня.

— А ты не с работы, — с обличительным пафосом провозгласила она.

— Ну-у...

Я осеклась, сама себя презирая за малодушие. Ну почему, скажите на милость, я, давно уже взрослая, самостоятельно зарабатывающая женщина, вечно оправдываюсь, когда захожу куда-нибудь после работы.

— Ну мы с Равилем в кафе на полчаса заглянули. Ему со мной кое-что обсудить было надо.

— В кафе! — Мама выразительно закатила глаза. — Лето на носу. У тебя ребенок из всей одежды вырос, а ты по кафе шляешься. Никакой зарплаты не напасешься.

— Меня Равиль угощал, — поторопилась успокоить ее я.

Моим родителям поход в кафе до сих пор представляется недозволительной роскошью. Оно, конечно, на их пенсии особо не разбежишься. Но я ведь прилично зарабатываю.

Узнав, что я прожигала жизнь в кафе не на свои кровные, мама заметно успокоилась, хотя и сказала:

— Твоему Равилю тоже лучше о жене и детях подумать. Вот мы с папой, между прочим, совершили сегодня очень выгодную покупку.

— Какую? — моя руки, спросила я.

— Ящик тушенки купили! Очень качественной! И дешево! Вот! Посмотри!

На полу в кухне стоял картонный ящик, перетянутый бечевками. Опять!

— Мама, зачем? — простонала я.

— Как это зачем? — всплеснула рукам она. — А на даче что есть будем?

— Мама, у нас теперь есть машина, — словно маленькой, начала втолковывать я. — Незачем было тащить эту тяжесть на себе, да еще наверняка с другого конца города.

— Такая хорошая и дешевая тушенка бывает теперь очень редко, — с обиженным видом вмешался отец.

— Папа, во-первых, можно было бы съездить за этой тушенкой на машине в воскресенье.

— Ее бы там уже не было, — убежденно возразил он. — Знаешь, как народ на рынке хватал.

— Да не нужна она нам! Мясо свежее можно рядом в деревне купить. А там не окажется —

двадцать километров проехать в большой торговый центр, в котором всегда есть! Любое! Какое душе угодно!

Я заметила, что отец украдкой сморщился и потер поясницу. Ясно! Надорвали с этой тушенкой! Завтра скорее всего приступ радикулита будет. Тогда придется Равиля звать. Мой папа — второй мужчина, для которого он делал исключение и соглашался делать массаж.

Я окончательно разозлилась и закричала:

— Зачем вы создаете трудности там, где их нет! Калечите себя невесть для чего. Ну не проблема в наше время продукты купить! Слава богу, участок у нас не в глухой деревне, а недалеко от Москвы. Рядом с шоссе. И я, слава богу, машину вожу. Ну если уж так захотелось, купили бы пару банок этой проклятой тушенки. Ящик зачем было волочь!

— Я эту гадость вообще терпеть не могу, — поддержала меня Василиса. — У меня от нее изжога.

Лучше бы она промолчала. Ужас что началось. Родители мигом вспомнили собственное голодное военное и послевоенное детство. В ход пошли голодающие дети Африки и голодные девяностые годы в нашей стране. Родители бушевали целый вечер. Никакая, даже самая лучшая на свете тушенка не стоила таких эмоций. Хотя, конечно, я понимала: дело не в тушенке. Просто они хотели о нас с дочерью позаботиться, а мы, неблагодарные, не оценили их стараний. Беда была только в том, что они постарались согласно своим представлениям и убеждениям, и старания в результате оказались совершенно зряшными. Сильно подозреваю, умом отец с матерью и сами это поняли, но сердцем принять не могли.

К ночи все кое-как успокоились. Польза от скандала была лишь одна: я ничего не рассказала о том, что нас закрывают, а мама не заметила, что я от нее что-то скрываю.

III

Меня продолжала терзать дилемма: уйти в другое место или остаться и попробовать завоевать мужчин? Если, конечно, они придут к нам в салон и будет кого завоевывать. Мамин внутренний локатор засек мои сомнения.

— Что с тобой происходит? — спросила она меня, когда мы пару дней спустя мыли вечером в четыре руки посуду.

— Да все нормально, — я обреченно попыталась уйти от разговора.

— Не ври. Уж я тебя как облупленную знаю. Последние дни сама не своя.

— Тебе кажется.

Мама с минуту помолчала, затем шепотом осведомилась:

— У тебя кто-то появился?

Ясно, по ее мнению, это самое страшное, что может произойти в моей жизни.

— Ровным счетом никого.

— Тогда почему нервничаешь? Пришлось рассказать. Все равно через неделю нас в отпуск выпихивают.

Теперь занервничала мама.

— Очень неудачно! Нет, конечно, то, что мы сможем все праздники провести на даче, замечательно.

— Мама, у Васьки в промежутке школа.

— Справку возьмем. Ребенку полезно побыть на воздухе. Вот только... отпуск-то тебе оплатят?

— Две недели, а остальные две — за свой счет. Мама нахмурилась.

— Вот это плохо. Перед самым летом! Сколько раз тебя уговаривала хоть понемногу откладывать.

— С чего откладывать? Мы все проживаем!

— По кафе надо меньше ходить.

— Мама, кафе мне обошлось бы в сто пятьдесят рублей, да и их платить не пришлось. Я ведь уже говорила: Равиль угощал.

— А прошлый раз ты сама платила. Туда сто пятьдесят, сюда сто пятьдесят. А за год на эти деньги, если суммировать, пальто можно ребенку купить или туфли. А у тебя все деньги сквозь пальцы как вода утекают. Теперь вот нужда пришла — и нет ничего. Хорошо еще мы с отцом живы-здоровы и пенсиями своими не разбрасываемся.

Я молчала. Мое транжирство — любимый конек мамы. Они с отцом уверены, что я прожигаю жизнь. И хотя на самом деле именно я практически содержу все семейство, возражать бесполезно. Ну невозможно ей объяснить, что я-то совсем не пенсионного возраста! Мне надо и выглядеть прилично, и с людьми поддерживать отношения. А все это траты, траты и траты! Хотя, в общем, и трачу-то я на себя самый минимум. Так ведь нет: зачем ты новые брюки купила, могла бы и в старых еще походить, у тебя их целых три пары! А то, что в одних холодно, другие протерлись, а еще хотя бы одни нужны на смену... Подумаешь, заштопала бы, под халатом на работе все равно не видно, а в остальном еще вполне целая вещь. Вот и весь разговор. Мама хочет, чтобы я жила точно так же, как она когда-то с отцом. Но времена изменились. Не могу я круглосуточно носить байковый халат! Даже в воскресенье.

— Ну что ты молчишь?

— А что отвечать. — Сдерживая негодование, я втирала его полотенцем в тарелку.

— Ты должна серьезно задуматься о своей жизни. В твоём возрасте пора научиться нести ответственность за то, что делаешь.

Я пребывала на грани взрыва.

— Слушай! — Мама застыла над раковиной с чашкой в руке. — А ты уверена, что после ремонта у вас салон останется?

— Фомич обещал. Думаю, не врет.

У мамы округлились глаза, и она громким шепотом спросила:

— А не боишься, что он хочет превратить его... ну, в неприличное заведение?

Злость мою как рукой сняло. Теперь меня разбирал смех.

— В бордель, что ли?

— Тише, тише, — шикнула на меня мама. — Васька услышит.

— Да она в школе гораздо хуже слова слышит. А бордель, между прочим, слово вполне приличное и даже литературное.

Мать замахнулась на меня полотенцем.

— Нет, — продолжила я. — Если бы он собирался бордель организовать, нас бы точно всех уволили и набрали молоденьких.

— А вдруг он такой... специализированный. — Она снова понизила голос до шепота. — Для извращенцев.

— Ну спасибо тебе на добром слове! Оказывается, я уже пригодна только для обслуживания извращенцев.

— Не говори чушь! Я совсем о другом. Вот превратят вас...

И, сделав короткую паузу, она беззвучно, одними губами добавила:

— В сексуальных рабынь.

Кажется, я знала, откуда ноги растут: мать с отцом желтой прессы начитались.

— Ма, но я же не в Турцию и не в Эмираты уезжаю. Здесь трудиться остаюсь. Не вернусь домой, заявишь в милицию.

— Тебе бы хиханьки да хаханьки. А влипнешь в историю, нам тебя вызволять. И ребенок на кого останется? И так, считай, почти сирота. При живом-то отце!

Еще одна мучительная для меня тема! Мой бывший муж, отец Василисы, с которым я сочеталась браком, вопреки родительской воле и благословию. Ну и, естественно, они оказались правы. Через год после рождения дочери мы с ним расстались. Мой бывший растворился на необъятных просторах нашей родины. Вполне, впрочем, не исключаю, что он живет и в Москве. Только я с тех пор, как он исчез с моего горизонта, о нем ничего не слышала. И уж, разумеется, он никак не помогал мне растить ребенка. Правда, я и не претендовала: с глаз долой, из сердца вон. Так уж вышло. Против судьбы не поперешь.

Хотя иногда мне кажется, что роль судьбы в данном случае сыграли мои родители. Живи мы с моим бывшим отдельно от них, глядишь, и у нас сложилось бы, и у Васьки был бы отец. Не таким уж он чудовищем был, как я теперь понимаю. Однако, когда на каждый, пусть самый ничтожный его просчет, обращают внимание, поневоле начинаешь реагировать. Особенно когда ты беременная или у тебя маленький ребенок. Без того вся на нервах. Слово за слово, и начинаются бесконечные выяснения отношений, копятсь обиды, и любовь куда-то уходит.

Это теперь я понимаю: подумаешь, человек протопал на кухню в грязных ботинках по чистому полу. Тем более что мне продукты из магазина принес. А тогда я до слез обиделась. Из последних сил мыла! Вместо того, чтобы поспать между кормлениями. Лучше бы я тогда выпалась! Из таких взаимонепониманий и обид вырос огромный черный ком ненависти,

который раздавил нашу любовь.

А мама, вместо того, чтобы сглаживать шероховатости и меня лишний раз успокоить, подзуживала:

— Вот какая его любовь. Не ценит тебя, в грош не ставит.

И папа поддакивал:

— Вот когда мы с мамой только что поженились...

А я, дура, их слушала!

Вот теперь и одна. Расплачиваюсь. И Васька расплачивается из-за моей глупости. Отца она, конечно, не помнит и из-за его отсутствия не особо страдает. Но когда-то это все равно на ней скажется.

— Мама, эта тема закрыта уже десять лет, — жестко отреагировала я на последний выпад.

— Закрывай не закрывай, а ребенок все равно наполовину сирота.

Вот вечно последнее слово останется за ней!

В пятницу на работе нас ждал сюрприз. То, что Юля как дамский мастер перебиралась в другой салон, никого особенно не удивило. А вот когда наша уборщица Катерина вдруг объявила, что увольняется, мы обалдели. Ей-то какая разница за кем убирать?

Но оказалось, разница есть, и большая. Катин муж как услышал про наши изменения, впал в истерику. И поставил жене ультиматум. Мол, либо я, либо мужской салон. Потому что мужской салон — это гнездо разврата, и он не позволит своей жене там работать. Он настоящий мужик, не вроде некоторых.

— Ну я и выбрана мужа, — гордо объявила наша Катя. — Буду увольняться. Да мне подруга уже новую работу нашла. Квартиры убирать. По деньгам намного выгоднее получается.

— Ох, как же муж ее любит, — не без зависти прошептала мне на ухо Римма.

— С чего ты взяла? — не дошло до меня.

— Только очень любящий мужчина может вообразить, будто на нашу Катю способен кто-то польститься, — усмехнулась она. — Даже в гнезде разврата.

Вообще-то Римка излишней доброжелательностью не страдает, но в данном случае она совершенно права.

В субботу, стоило мне объявить, что вечером собираюсь в гости к Равилю, мама поджала губы:

— Могла бы и дома с ребенком посидеть, с уроками помочь. Я и так с ней целую неделю их учу.

— Бабушка, зачем ты говоришь неправду, — немедленно появилась на кухне моя дочь. — Я уроки делаю самостоятельно.

— А стихотворение? — не сдавалась бабушка.

- Ты у меня его только проверила.
- А задачку по геометрии?
- Я там всего одно действие и не поняла.
- Иди, защитница, — недовольно проговорила мама.

Василиса крепко меня обняла.

- Ты сегодня, конечно, иди в гости, а завтра вместе в зоопарк ходим.
- Обязательно, — заверила я.

Но мама и тут осталась недовольна.

- Вы же на прошлой неделе в зоопарк с дедом ходили.
- Но я хочу в террариум, а дедушка туда не любит. А к ним новых жаб завезли.
- Поступайте как знаете. — И мама демонстративно покинула кухню.

Ох, не любят они с отцом, когда я хожу в гости! Словно ревнуют. Но жизнь моя не кончилась. И в девяносто люди в гости ходят. Да и сами мои родители своих друзей навещают. И к себе их зовут. Нет, видимо, я, по их представлениям, делаю это как-то неправильно. А иногда мне кажется, они просто боятся: вот встречу я ненароком где-нибудь хорошего человека, заберет он меня и Василису, а они останутся без нас, и жизнь для них потеряет всякий смысл. А пока я и Васька с ними, и смысл есть.

Слава из Тюмени оказался полной противоположностью Равиля. Роста они, правда, были примерно одинакового. Оба довольно высокие, под метр восемьдесят. Но если Равиль поджар и упруго накачен, то Слава широк и весьма объемен. Коротко стриженные, неопределенного цвета волосы обрамляли красноватое и задубелое, как у бывалого морского волка, лицо. Слава вообще изрядно смахивал на моряка, ступившего в квартиру Равиля прямо с вернувшегося из дальнего плавания корабля.

На твердой почве Слава чувствовал себя неуверенно. Его все еще качало. Хотя в Тюмени, как мне было совершенно точно известно, никакого моря в помине нет. Да и Слава занимался отнюдь не судоходством, а, по выражению Равиля, нефтеводством.

Реакция на женский пол у Славы оказалась тоже совсем как у изголодавшегося в плавании моряка. Увидев меня, он засиял лицом, вскочил с дивана и принялся вокруг меня качаться. В квартире Равиля, довольно тесно заставленной всяческими горочками, кореточками, шкафчиками, этажерочками и столиками, Славе было явно тесно. Он постоянно что-нибудь задевал, сшибал, ловил, беспрестанно при этом извиняясь. Гуля страдала, но терпела. Слава привез ей в подарок шикарную волчью шубу, которую она тут же надела, чтобы продемонстрировать мне.

- Шикарная женщина! — немедленно восхитился Слава и, переведя взгляд на меня, добавил:
- Эх, и чего я не сообразил две привезти!

Из этого я сделала вывод, что кандидатура моя вполне одобрена.

- Ребятам завтра звякну — перешлют, — обнадежил он.

— Что вы, Слава, не надо, — поторопилась я пресечь его щедрый порыв.

Еще не хватало! Что скажет мама, если я явлюсь с таким подарком!

— Да мне это раз плюнуть! — Слава хлопнул рукой по серванту; тот угрожающе затрещал.

— Ты лучше сядь, — приобнял его за плечи Равиль.

— Ой, ребята! — проревел тот. — Не хочется мне наших прекрасных дам загружать сегодня хозяйством. Пойдем все в ресторан. Я угощаю! Какой у вас тут теперь самый лучший?

Передо мной выпендривается, подумала я.

— Какой самый лучший? — Равиль пожал плечами. — Это смотря чего хочешь.

Видно, на ходу пытался сообразить, куда уместно привести Славу.

— А я хочу самого лучшего, — заявил тот.

— Можно в итальянский. Очень неплохой, и тут Рядом, — предложил Равиль.

— Ой, макароны! Они мне и так обрыдли, — скорчил брезгливую мину Слава. — Хочу нормальной еды!

— Тогда в китайский пошли, — возник другой вариант у Равиля.

— А русского что, теперь нету? Или хотя бы татарского? — с тоской любопытствовал гость из Тюмени.

— Рядом замечательный — узбекский.

— Годится! Плов обожаю! Дамы, вы как?

— Да я вам столько тут всего наготовила, — начала было Гуля.

Ей явно и в ресторан хотелось, и собственных трудов стало жаль. С другой стороны, если мы в ресторан уйдем, квартира от Славы не пострадает. Вон его почти трезвого как качает, что же будет, когда он как следует выпьет!

— Твое, Гуля, завтра доедим, — пообещал Слава, из чего я могла заключить, что у него огромные планы на жизнь в Москве.

Больше всего меня интересовало, фигурирую ли в этой программе я? Хотелось надеяться, что нет. Друг Равиля производил впечатление человека, от которого нелегко отделаться.

Перед уходом Гуля с сожалением посмотрела на волчью шубу. Уверена: будь хоть немного похолоднее, она бы ее обновила. Но как-никак стояла весна.

IV

Едва мы оказались в машине, Слава, плюхнувшийся на переднее сиденье, вручил водителю тысячную купюру.

— С ума сошел! — тронул его за плечо Равиль. — И полтинника хватит.

— Пусть радуется, — возразил Слава. — Мы, тюменцы, такие. Когда гуляем, то уж гуляем.

Гулянье продолжилось в ресторане, где Слава непрерывно произносил тосты, и в основном за меня. Рефреном были две одинокие души, которые всегда встречаются в мире. С каждым последующим тостом я нервничала все сильнее. Казалось, еще немного, и он прямо тут, не отходя, так сказать, от кассы, сделает мне предложение. Кроме того, мы сидели на мягком диване, и Слава с каждым последующим тостом придвигался ко мне. От непосредственного контакта меня пока спасали только многочисленные подушки. Он их пытался убрать, но я снова подкладывала, хотя и отдавала себе отчет, сколь возведенная мною граница временна и эфемерна.

В панике я кидала умоляющие взгляды на Равиля, который сидел напротив, но он лишь игриво подмигивал мне, и Славины тосты, воспевающие наше родство душ, которое, по его убеждению, сразу сделалось ясным, и мою красоту, и прекрасный вечер, который я ему подарила своим присутствием, продолжались.

Еда была обильной и вкусной, однако в горло мне не лезла. Вероятно, Слава был вполне искренен в своем восторге, но как раз это меня сильнее всего и страшило. Я уже подумала, не улизнуть ли под каким-нибудь благовидным предлогом пораньше домой. Иначе увяжется еще меня провожать. И хорошо, если просто до дома. Вон как разошелся. Наверняка возле подъезда расстаться не пожелает, захочет с родственниками познакомиться.

Я живо вообразила, с какими лицами встретят его мои папа и мама, и мне стало холодно и неудобно. Зачем согласилась на предложение Равиля! Теперь от Славы вовсе не отвяжешься.

Я попробовала вести себя с ним похолоднее. Поздно. Слава уже на подобные тонкости не реагировал. Изрядно выпив, он смахивал скорее не на морского волка, а на атомный ледокол, который сквозь ледяные торосы неколебимо следует к намеченной цели. Говорить ему было трудно, но он тем не менее говорил. Тосты его теперь напоминали лирическую песню без слов.

Последнее меня даже обрадовало, потому что я поняла: провожать он меня не сможет. Скорей уж Равилю придется провожать его.

Наконец мы собрались уходить. Слава к этому моменту уже окончательно утратил дар речи, однако тысячными купюрами одаривал всех, кто только соглашался брать. Посетителям он их тоже совал, и отнюдь не каждый отказывался.

По счастью, меня завезли домой первой. Слава мирно похрапывал на заднем сиденье.

— Спасибо, Равиль, никогда тебе не забуду, — бросила я на прощание.

— А я тебе ничего и не обещал, — игриво отозвался он. — Кроме ресторана на халяву. И это как раз состоялось. А ничего плохого Славка тебе не сделал.

— Да он вообще очень милый, когда трезвый, — подхватила Гуля.

И я почти вовремя возвратилась домой. Рано утром меня разбудил папа. Я открыла глаза. Лицо у отца было исполнено тревоги.

— Тебя к телефону.

— Кто? Сколько вообще сейчас времени?

— Половина девятого, — отвечивал мой родитель. — А к телефону тебя какой-то... Он, правда, назвался, но я не запомнил. Я с ним не знаком.

— Зачем я ему понадобилась в такую рань, не сказал? — Мне было ужасно лень разговаривать. Язык спросонья еле ворочался.

— Он сказал, ему непременно нужно с тобой поговорить.

— Ладно, — сдалась я. — Принеси трубку.

Папа хлопнул себя по лбу:

— Ах да. Вечно я забываю!

Никак не может привыкнуть, что у нас радиотелефон. Поговорит, и обязательно положит там, где стоит зарядное устройство. И с мобильником на даче они с матерью обращаются своеобразно: поговорят, и тут же выключают, а я потом дозвониться до них не могу. Периодически до скандала доходит. Папа вечно оправдывается: мы же целый день на улице, и твоего звонка не слышим.

— А ты положи мобильник в карман и носи с собой, — убеждаю я. — Хоть на связи будете.

— Ну вот еще, — возражает отец. — Там, говорят, излучение, для здоровья вредно, а оно у меня и так не очень.

И все! Хоть кол на голове теши! Мне, значит, нервничать не вредно, а им вредно! Я свой мобильник никогда не выключаю, потому что, если они мне дозвониться не могут, с ума начинают сходить.

Отец принес мне трубку. На мое «алло» в ней зарокотал голос Славы:

— Не разбудил, надеюсь? — бодро принялся вещать он. — Хочу, Любаша, уточнить наши планы на сегодня. Ты извини, я вчера немножко устал. Денек трудный выдался.

Я бы это назвала не «устал», а несколько иным словом, однако из дурацкой вежливости, ответила:

— Ничего страшного. С кем не бывает.

— Ну и что мы сегодня делаем?

— Да мы с вами, собственно, ничего.

— Мы разве еще на «вы»? — он удивился. — А мне казалось, мы вроде на «ты» давно перешли.

Вообще-то он был прав. Вернее, Слава в одностороннем порядке со мной на «ты» перешел. Я его никак не называла. Впрочем, какая разница: на «ты» так на «ты», идти с ним я больше никуда не собиралась.

— Ну так куда же мы наметили?

— Я собиралась с дочкой в зоопарк.

Ответ мой прозвучал сухо и жестко, как и было задумано, но я недооценила Славу.

— Зоопарк? Отличная идея! — возликовал он. — Тысячу лет не был! И дочка у тебя есть! Детей обожаю! Сколько ей лет?

— Двенадцать.

— О-о, почти взрослая! Еще лучше. Давайте все вместе позавтракаем. Там, в зоопарке, какое-нибудь подходящее заведение есть?

— Не знаю. Я никогда в зоопарке не завтракала...

— Тогда поехали. На месте и выясним.

— Да я только проснулась. И Василиса еще спит.

— Тогда буди ее по-быстрому, и собирайтесь. А я к вам выезжаю. Только адрес скажи, а то вчера не запомнил.

Мудрено ему было запомнить: он так крепко спал, что даже не проснулся, когда я вышла из машины.

Я мгновение помолчала. Продолжать знакомство мне не хотелось, но и обижать Славу было не за что и незачем. А как деликатно его отшить, мне спросонья не придумывалось. С другой стороны, я его возьму с собой, а он в ресторане при Василисе продолжит гулянку...

— Да ты не волнуйся. Я при ребенке буду строго себя держать, — словно почувствовал мои опасения Слава. — Устроим детский утренник.

— Хорошо. Приезжай, — сдалась я.

Он приехал, и не один, а с дарами! Большим букетом роз. «Для женщин», — как выразился он, и вручил цветы маме. Папе он торжественно сунул в руки подарочную корзину из супермаркета — с бутылкой вина и какой-то закуской.

— М-м-м, для знакомства.

Мама испуганно покосилась на корзинку и робко предложила:

— Так, может, мы сейчас чайку попьем?

— Спасибо, но нет, — решительно отверг ее предложение Слава. — У нас сейчас по плану знакомство с дикой природой. Следуем в зоопарк!

Машина ждала у входа. Слава нанял ее на целый день.

В зоопарке мы без труда отыскали вполне уютное кафе, где очень мило позавтракали блинчиками с вареньем, свежавыжатым соком и ягодным муссом. (Меню составляла Василиса. Мы со Славой добавили к нему от себя две чашки кофе.) Я опасалась, как бы Слава не захотел размяться чем-нибудь более горячительным, но он, к моему облегчению и изумлению, действительно воздержался и держал себя очень прилично, почти как истинный джентльмен.

Не совал излишних чаевых, не размахивал руками, а тихим голосом развлекал Василису вполне детскими анекдотами. Дочь моя, не привыкшая к такому количеству мужского внимания (дедушка, разумеется, не в счет), млела от удовольствия и откровенно со Славой кокетничала.

Глянуть со стороны — идиллическая картинка. Дружная семья на воскресной прогулке. «А он действительно неплохой человек, — подумала я. — И детей явно любит. Вон как быстро с Василисой общий язык нашел. Видимо, в этой своей Тюмени немного одичал от одиночества».

Я украдкой к нему приглядывалась. И внешне не сказать, чтобы урод. То есть, конечно, не красавец, но вполне приятный. Если его еще как следует постричь... Глядишь, возвратится в Москву и немного цивилизуется. Пообщается здесь и станет вполне себе. Вдруг у нас что-нибудь и получится. Ведь то, что он моложе меня, совсем незаметно. Наоборот, Слава смотрится даже старше. А детей своих захочет... А почему нет? Я еще могу. Некоторые в моем возрасте вообще первый раз рожают.

— Что это у нас мама взгрустнула? — ворвался в мои размышления его голос. — И то верно, Любочка. Заправились, теперь надо подвигаться. Жирок растрясти. — Он погладил себя по животу. — Кого первым пойдем смотреть? — посмотрел он на Василису. — Белого медведя?

— Нет. Жаб в террариуме, — тоном, не допускающим возражений, ответила дочь.

— Тьфу, гадость какая, — вырвалось у Славы.

— Что вы, они такие красивые! — возмутилась Вася.

— А мама как к ним относится?

— Нормально мама относится, — ответила я.

— Тогда вперед. Интересные у меня сегодня девушки. В моем детстве девчонки жаб боялись.

— Это же когда было, в доисторические времена, — заявила Василиса. — А современные девочки очень даже земноводными интересуются.

— Оригиналка она у тебя, — подхватил меня под руку Слава. — Я-то сам, если честно, этих земноводных как-то не очень.

— А там еще змеи есть, — хитренько покосилась на него Василиса. — Я их тоже не боюсь.

— Ничего, потерплю, — стоически отреагировал Слава. — Вдруг тоже привыкну.

До террариума мы шли довольно долго. Слава останавливался возле каждого лотка.

— Ой, сахарная вата! Васька, давай, а?

— Я ее не люблю, — сморщила переносицу Василиса. — Лучше мороженое.

— Нет проблем!

Мы нашли точку, где продавалось мороженое.

— А ты не лопнешь? — спросила я у дочери.

— Не-а. Мне сейчас много энергии потребуется. Жаб разглядывать.

Потом мы остановились возле мягких игрушек, и Слава купил Ваське длинноногую лягуху, за неимением жабы. Затем приобрел ей книжку про жаб и тритонов. И только после этого мы наконец дошли до террариума и долго-долго разглядывали обитателей. Васька у них, по-моему,

все пупырышки пересчитала.

Слава сперва заскучал, а потом нашел себе развлечение. Начал меня так легонечко обнимать, как бы привлекая мое внимание к наиболее интересным экземплярам. Сперва его рука была у меня на плече, потом плавно и незаметно спустилась на бедро. Пришлось мне его одернуть:

— Слушай, мы здесь все-таки с ребенком.

Он не смутился:

— Я всего лишь хотел тебе удава показать. Смотри, какой у него бугор. Небось только что кролика слопал. — И он, снова обняв меня, увлек к следующей клетке.

Не могу сказать, что мне это было совсем неприятно. За последнее время не слишком много мужского внимания доставалось. И льстило, что я Славе сразу понравилась, и разницу в возрасте он не заметил. Выходит, я еще неплохо выгляжу.

С другой стороны, мне было смешно и немного неловко наблюдать, как Слава пытается ускоренно установить близкие отношения. Логика, конечно, просматривалась. Он пока приехал в Москву только на несколько дней. На длительное ухаживание у него времени не было. Вот он и спешил.

Сегодня он мне нравился гораздо больше, чем вчера. Однако у него был уж больно деловой подход. Всем по подарку в зубы, бабу в охапку, чтобы ни минутки попусту не растратить.

К концу нашего пребывания в зоопарке меня стал мучить вопрос: что у Славы намечено в дальнейшей программе? Обед у меня дома? Зря он подарочную корзину привез? Или он моих родителей тоже решил в ресторан повести? Надо бы выяснить, но я не решалась. Вдруг он тогда возомнит, что я сама этого хочу? А я уже так устала, что жаждала лишь одного: добраться до дома и вытянуться на кровати. Как бы у нас там ни сложилось в дальнейшем, но со Славой за последние два дня я наобщалась достаточно.

Вскоре судьба решила за нас. У Славы в кармане зазвонил мобильник. Отойдя в сторонку, он с кем-то сердито поговорил, а вернувшись, хмуро изрек:

— Дела, блин, даже в воскресенье достают. Никакой личной жизни! Сейчас завезу вас домой и на сегодня вынужден проститься.

— А я думала, вы сейчас к нам, — расстроилась Василиса.

— Действительно, как жалко, — изобразила сожаление я, правда, не слишком сильное, а то еще вдруг передумает.

— Ничего, у нас еще до третьего время есть, — обнадежил нас он.

— А что третьего? — поинтересовалась моя дочь.

— Третьего отбываю в свои тюменские джунгли. Но не расстраивайся. Скоро я насовсем вернусь.

Вечером Василиса меня спросила:

— Мама, а у вас с ним серьезно?

Я опешила:

— Что ты имеешь в виду? Мы только вчера познакомились.

— Да я к тому, что, если у тебя с ним роман будет, я не против! Он ничего. Прикольный. И деньги, по-моему, есть.

— Васька, откуда ты такого набралась? — Вот уж не ожидала от нее подобного практицизма!

— Жизнь заставила, — лукаво улыбнулась она.

Я, конечно, в ответ прочитала ей целую лекцию о том, что деньги не главное, а роман следует заводить с человеком, которого любишь, даже если у него с деньгами и не очень хорошо.

Василиса сосредоточенно выслушала меня и сказала:

— Я, конечно, все понимаю. Любовь — это очень важно. Но почему-то без денег ни у кого жить не получается.

Вот это да! Я только рот разинула. А что возразишь?

Дочь моя тут же привела наглядный пример:

— Вот у нас в классе Сережка Степанов. У его родителей денег совсем нет, потому что они не работают. Из-за этого они пьют, дерутся и Сережку колотят. Он теперь почти и не учится. А раньше, ну когда мы еще в первый класс ходили, они работали, у них деньги были, и Сережку они любили, и все ему покупали, и он отличником был. А теперь его, наверное, из школы выгонят.

— С чего ты взяла?

— Сама слышала, как завуч классной говорила: в нашей школе таким не место. У него среда дурная, и от него пойдет плохое влияние. Они его собираются сплавить в другую школу. Все равно и английский, и французский совсем запустил.

Я потом до поздней ночи думала: а может, устами младенца глаголет истина? Попался мне неплохой человек. С таким восторгом на меня смотрит! Чего привередничать? Чай, не девушка. Принца на белом коне ждать поздновато. А жизнь устроить так, чтобы появилось плечо, на которое опереться можно, совсем не лишнее. Василиса растет. Оглянуться не успею, в институт надо определять. Девочка она у меня способная. И родители не молодеют. Не дай бог, слягут. Уход потребуется. Справлюсь ли одна? А Слава, кажется, человек щедрый. И, по словам Равиля, надежный. Главное, тоже один намыкался и хочет теперь в семейной жизни осесть. И Ваське понравился. Раньше она такая была ревнивая. А с ним сразу возник контакт. Да и человек не то чтобы неизвестно откуда. С Равилем они много лет знакомы. А Равиль мне плохого не пожелает.

В понедельник Слава объявился у нас в салоне. К Равилю зашел, а уж потом они вместе ко мне заглянули. У меня как раз образовалось окно, вот мы и решили на кухне чай погонять.

Тут оба друга меня и озадачили. Предложили куда-нибудь податься на майские праздники.

— Нет, ребята, увы, я пасс. Мне семейство на дачу надо вывезти. Мои уже на старте стоят и дрожат от нетерпения. Огородная кампания. Первая, так сказать, копка. И погода в этом году

подходящая. Тепло. В общем, я до девятого повязана с дачей.

Слава расстроился.

— А я уже третьего домой уезжаю. Что ж, значит, больше и не увидимся? Так хотелось с тобой куда-нибудь...

На него было жалко смотреть. Он выглядел как влюбленный подросток. Неужели я ему до такой степени нравлюсь?

— Но вы... ты... Мы ведь с тобой и на неделе можем вечером встретиться.

Он расстроился еще больше.

— На неделе совершенно не получается. Расписан под завязку. Мне все дела до праздников необходимо подбить. А вот первого и второго совершенно свободен. Слушай, — он вдруг оживился, — а дача твоя далеко?

— У нас там тесно...

Да ты не думай, я не напрашиваюсь. Понимаю: семья. У меня другая идея возникла. Может, ты их отвезешь с утрачка, обустроишь и вернешься. Ну хоть к вечеру. И мы первое и второе проведем с тобой вместе. Сходим куда-нибудь, посидим, повеселимся, потанцуем, — он выразительно подвигал торсом. — Это, надеюсь, реально?

Я задумалась. По времени все было осуществимо. Если шоссе утром не слишком окажется забито, за час-полтора до дачи доедем. Вечером вообще наверняка свободно будет. Минут за сорок обратно домчусь. Главное, организовать моих так, чтобы собрались пораньше. Ведь им дай волю, и в три не выедем. А на даче мне еще надо разложить вещи. Собрались-то на целую неделю, даже больше получается. И весь необходимый скарб с собой тащим. Машину свою забью под завязку.

Большой вопрос, понравится ли Славина идея моим родителям. Не то чтобы они без меня там боятся остаться, каждое лето живут, а я в будние дни не всегда туда езжу. Но то, что я вместо того, чтобы работать на даче, отправлюсь в город гулять, может вызвать бурный протест. Довольны они уж точно не будут. Хотя имею я право, в конце концов, на полтора дня личной жизни! Потом вернусь и до девятого буду с ними. Успею еще насладиться садово-огородными работами.

— Ладно. Уговорил, — ответила я.

Слава вскочил со стула и, отбивая чечетку, прошелся взад-вперед по кухне. Именно в этот момент в дверь заглянул Гарри Фомич.

— Веселимся — гуляем уже? — Он неодобрительно посмотрел на стол. — До праздника еще три дня. Заявления все оформили?

Мы с Равилем кивнули.

— Молодцы, — сказал Гарри Фомич, а потом, переведя взгляд на Славу, добавил: — Только вот посторонним в служебном помещении находиться не положено.

И он исчез.

— Кру-утой мужик, — покачал головой Слава. — Хотя, по-своему, прав. Всех нужно держать в ежовых рукавицах. По личному опыту знаю. Народ ужас как распускается.

V

Первомайское утро проходило в большой суете. Все сновали по квартире, перетаскивая в переднюю кули, узлы, пакеты и сумки. Критически оглядев образовавшуюся гору, я констатировала:

— В мою бедную лошадку это не поместится.

— Приверну багажник на крышу, — бодро ответил отец. — Зря его, что ли, купил.

И станет, значит, моя лошадка вьючной.

Делать нечего. Сортировать собранное времени не было. Это бы точно полдня отняло. А мне хотелось успеть до ночи назад.

Мама приволокла еще пару больших корзин, набитых пустыми банками.

— Это еще зачем? — сочла своим долгом выяснить я.

— Корзины — грибы собирать, а в банки буду соленые закатывать.

— Ба, ну какие в мае грибы! — звонко расхохоталась Василиса.

— Действительно, — подхватила я. — Оставляем дома. В следующий приезд доведем. Мать с осуждением посмотрела на нас.

— Сейчас я вспомнила, а потом забудем.

Однако я против корзин встала насмерть.

Папа, успевший привернуть к моей машине багажник и вернуться, неожиданно меня поддержал:

— Галочка, корзины в следующий раз прихватим. В машину они не влезут, а на крыше банки могут разбиться.

Мы начали укладываться. Затем началась беготня. Все время кто-то вспоминал, что забыл какой-нибудь предмет наипервейшей важности. Последней вернулась в квартиру я. Забыла сумку с документами и правами. Вернее, была совершенно уверена, что ее взяла Василиса. Сама видела свою сумку у нее в руках. Однако до машины дочь ее почему-то не донесла и при этом еще нагло уверяла, что вообще к ней не прикасалась.

Сумка нашлась на пуфике в передней. Облегченно вздохнув, я проверила, все ли в наличии, убедилась, что в квартире погашены все электроприборы, и мы наконец отправились в путь.

Дорогой я выстраивала сценарий, как лучше объявить, что мне сегодня нужно вернуться в город. Заранее решила стариков не тревожить. Лучше поставить перед фактом, чтобы не успели придумать, чем меня задержать.

После приезда мы разобрались. Подготовили дом к проживанию. Пообедали. А только после этого, я, напустив на себя равнодушие, как бы с неохотой произнесла:

— Тут так хорошо. Даже уезжать не хочется. Но, увы, придется.

— Куда?

Мама ошеломленно вытаращилась на меня и чуть не уронила стопку тарелок, которые собралась отнести на кухню.

— Да мы тут с Равилем и Гулей договорились Славе, ну, тому, который букет принес, Москву показать.

Лицо у мамы обиженно вытянулось.

— Он что, сам не может Москву посмотреть?

— Люба, а Василиса мне говорила, что он вообще коренной москвич, — совершенно некстати вспомнил папа.

Вот ведь народ. Половину того, что надо, забывают, а тут пожалуйста.

— Он очень давно в Москве не был, — скороговоркой бросила я. — Ну мы его и решили поводить по новым местам. Город изменился за последние годы!

Мама тяжело опустилась на стул.

— Понятно. Ему прописка московская нужна. Ты же говорила: он сюда собирается перебираться.

— Мама, ты отстала от жизни. У Славы нет проблем с пропиской. Купит себе квартиру, и в ней пропишется. Деньги у него есть.

— Откуда ты знаешь, что у него есть и чего нету. — Мама сокрушенно покачала головой.

— Торжественно клянусь, как юный пионер: я его к тебе в квартиру не подселю. Можешь не волноваться.

— Наоборот, вот он купит квартиру, и мы с мамой к нему переедем! — встряла Василиса.

Мать охнула:

— Ты, значит, замуж за него собралась и ничего нам с отцом не сказала.

— Не по-людски это, — схватился за сердце отец. — Я прямо почувствовал, когда он свою корзину привез. Зря человек столько денег не потратит.

— Да я собиралась всего-навсего провести вечер с друзьями! А вы меня уже замуж выдали. За почти незнакомого человека.

— Чувствовал, я все сразу почувствовал, — продолжал как заведенный твердить папа.

— Довела отца! — театрально простерла к нему руки мама. — Посмотри, на нем лица нет. Вот не ценишь родителей, а умрем, тогда вспомнишь, но поздно будет. Юра, немедленно прими лекарство!

— Слушайте, да вы сами нафантазировали какую-то чушь, а я виновата? Ладно, мне ехать пора.

Вернусь или завтра вечером, или послезавтра утром. Папа, только прошу тебя: не выключай мобильник.

— Не выключит. Я прослежу, — заверила меня Василиса. — Чао, маман. Дяде Славе привет!

— Передам.

Выскользнув из двери террасы в по-весеннему наш бедный сад, я спешно достигла машины и, благополучно выехав с участка, устремила к шоссе. Глоток свободы был завоеван!

Ощущение это не покидало меня весь путь до Москвы. Машина моя, хоть и не новая, словно радуясь освобождению от тяжелой ноши, резво бежала по опустевшему к праздничному вечеру шоссе. Мотор тихо и мерно урчал, в опущенное окно врвался теплый вечер, и на душе стало радостно. Кто знает, вдруг у нас действительно что-нибудь со Славой срастется. Вон Василиса прямо жаждет заполучить в его лице нового папу! И впрямь, купит он квартиру, а я тогда в другой салон перейду. Ваську, пожалуй, для начала с родителями оставлю. Не надо спешить. Притремся со Славой друг к другу, и Васька еще подрастет, и постоянный мамин пригляд перестанет ей требоваться. Хотя со Славой у них хорошо. Может, наоборот, лучше сразу втроем жить начинать.

Ой, что это я делю шкуру неубитого медведя! Между нами вообще ничего нет. Вот уедет в свою Тюмень и забудет о моем существовании. Однако женская интуиция мне подсказывала, что в ближайшие два дня Слава должен определиться.

Едва войдя в квартиру, я тут же набрала его номер.

— Слава, я приехала. Мне нужен час, чтобы привести себя в порядок. Так что звони Равилу, и договариваемся, где встречаемся.

— А что ему звонить! — бодро и радостно воскликнул Слава. — Равиль с Гулей уехали, как собирались. Ты разве не поняла? Мы сегодня с тобой вдвоем гуляем.

Я растерянно помычала в ответ. Это было для меня новостью. Мне-то казалось, мы вчетвером собираемся провести время, но, видно, не так поняла.

— Ты не рада? — В Славином голосе послышалась тревога.

— Да нет. В общем, рада...

— И замечательно. Слушай, а ты не могла бы ко мне приехать? А то я тут важный звонок городской жду. Ты приедешь, надеюсь, мне к этому времени отзвонятся, а там и решим, что дальше делать.

— Может, лучше пусть отзвонятся, а потом встретимся? — предложила я.

— А если он позже позвонит? Что нам зря время терять. Я соскучился. У меня тут все есть. Посидим пока.

— Ну ладно. Приеду. Где ты живешь?

— Да у знакомого квартиру снял. Сам он тоже в Тюмени работает, но в Москве жилье держит.

Слава продиктовал адрес.

Я залезла под душ и, пока отмокала под теплыми струями, думала, каким образом могла не понять, что Равиль все-таки уедет? Ситуация складывалась двусмысленная. А точнее, совсем недвусмысленная. Мы остались со Славой один на один. Ах, будь что будет. В конце концов, мне не тринадцать лет.

Я тщательно приделалась и, посмотревшись в зеркало, осталась довольна собой. Хорошо выгляжу, ничего не скажешь.

Возле дома я поймала машину: гулять так гулять!

Слава обитал в новом монолитном доме, в однокомнатной квартире на пятнадцатом этаже. Внутри оказался полный холостяцкий набор: диван, телевизор с дивиди-проигрывателем, музыкальный центр и холодильник, набитый выпивкой и закуской.

— Тебе уже позвонили? — поинтересовалась я.

— Увы, — выдохнул Слава. — Народ пошел непунктуальный.

Впрочем, он, вопреки логике, выглядел не слишком расстроенным.

— А мы сейчас шампанского за встречу! Ох, как я рад, что ты вырвалась! Так волновался. Вдруг не выйдет.

— У меня-то вышло. А вот ты освободиться не смог.

— Накладочка. — Он развел руками. — Каюсь, но клятвенно обещаю загладить вину.

— Да уж, постарайся.

Он провел меня в комнату, где на журнальном столике уже стояло шампанское. Лед и две бутылки лежали в кастрюле.

— А где же серебряное ведерко? — полюбопытствовала я.

Слава смутился:

— Да хозяин еще не купил. Пришлось по-простому. Но ведь важнее не форма, а содержание. Ты лучше накладывай, накладывай. Салатики объедение. Тут рядом кулинария классная. Отлично готовят.

Я думала, он меня опять в ресторан поведет. Однако, судя по количеству выставленной на стол закуски и Славиному настроению, важного звонка нам придется ждать еще долго.

Слава уже разливал шампанское.

— За нашу сегодняшнюю встречу и первый вечер вдвоем. — А ты что не пьешь? — недоуменно поглядел он на меня.

— Да, собственно...

Я из вежливости сделала небольшой глоток. Слава тут же дополнил мой бокал доверху.

— Для закрепления тоста.

И он опорожнил в себя свой, наверное, уже пятый по счету.

Ситуация мне все больше переставала нравиться. Нет, вел себя Слава пока вполне прилично и гостеприимно, но что-то в его поведении настораживало.

Еще три бокала спустя он поставил какую-то романтическую мелодию и пригласил меня на танец. Ну вот. Сейчас приставать начнет.

Предчувствие не обмануло. Слава медвежьей хваткой прижал меня к себе, да так, что я едва дышала.

— Осторожнее.

— Извини. — Он немного ослабил хватку. — Я иногда такой неловкий бываю.

Сладенький мужской голос из музыкального центра заливался о потерянной любви. Слава топтался со мной по комнате. Сперва он жарко дышал мне в ухо, а затем в шею. Потом на шее оказались его губы.

Кажется, началось, а я так и не могла для себя понять, приятно мне это или нет. Слава, наоборот, явно решил все и, посчитав, что прелюдия состоялась, решительно прильнул к моим губам. Я по-прежнему ничего не чувствовала. Чужие жесткие губы. Чужой запах, не вызывающий никаких положительных эмоций.

Слава, наоборот, горел желанием. Это я чувствовала даже сквозь одежду. Я попыталась отодвинуться. Он расценил это по-своему.

— Что, Люба, давай еще выпьем?

А вдруг действительно поможет, надеялась я. Ведь вроде нормальный мужик, все при нем. И у меня мужчины уже сто лет не было. Отчего же я как деревянная? Ну ровно никакого желания. Может, мы с ним слишком торопимся? Но времени действительно нет. Послезавтра уедет. Так хоть пойдем, что к чему.

Так я себя уговаривала. А Слава в это время подливал и подливал мне шампанское. Пью я вообще-то мало, и шампанское весьма быстро туманит мне голову. Сейчас я пила его, как газировку, но оно меня не пьянило. И продолжать что-то со Славой совсем не хотелось. Я уже злилась сама на себя.

Что мне, в конце концов, надо? Столько лет мечтала о человеке, который станет за мной ухаживать, восхищаться. И вот сидит передо мной, смотрит на меня влюбленными глазами, горит от распирающих его желаний, а я сижу бревно бревном, и мне его почему-то не надо. То есть умом вроде как раз и надо, но тело мое мертво.

Может, потому, что у меня слишком давно никого не было? Как выражается наша Римка, без практики все заржавело?

Слава тем временем, переместившись ко мне на диван, вновь принялся страстно целовать. Его руки уже расстегивали на моей спине молнию платья. Нет, я пойду до конца, а там видно будет. Вдруг я, подобно мертвой царевне из сказки, пробужусь от поцелуя... принца?

Слава, спустив с моих плеч ляжки, принялся целовать грудь, лихорадочно расстегивая собственную рубашку. Ох, до какой же степени у меня все атрофировалось! Я по-прежнему

ничего не чувствовала! Он отбросил рубашку в сторону и сипло проговорил:

— Погоди секундочку.

Я посчитала, что он собирается справиться с брючным ремнем, однако сильно ошиблась. На моих изумленных глазах он бережно снял с себя нательный крестик, поцеловал его и, пробормотав: «Господи, прости», положил его на стол.

— Ты зачем? — спросила я.

— Что, зачем? — вытаращился на меня он.

— Ну, крестик снял.

— Так мы ведь сейчас того-этого... Неудобно как-то. Грех вроде... Я всегда снимаю.

Ох, что со мной сделалось! Кажется, я никогда в жизни так не хохотала. Меня скрутила настоящая истерика. Просто слезы из глаз лились.

Слава суетился вокруг меня и, приговаривая: «Ну что ты, ну что ты», пытался влить в меня шампанское. Мол, выпей, и сразу полегчает.

Я глотнула, поперхнулась. Польза была лишь одна: пока я кашляла, смех унялся. Я спешно натянула на себя платье.

— Извини, — обратилась я к Славе. — Боюсь, у нас ничего не выйдет.

— Ты разве не православная?

Ох, до чего же у него глаза, оказывается, выпученные, только сейчас заметила я.

— Слава, дело не в вероисповедании, — я старалась говорить как можно мягче. — Я-то как раз православная. Просто чувств у меня к тебе никаких нету. Я без них не могу.

— Да ты не поняла. Я ведь не на один раз собрался с тобой... У меня серьезно. Я вообще-то жениться хочу. И ты мне нравишься. Я люблю рыженьких и с фигурой.

Во мне моментально проснулся профессионал, и я возмущенно воскликнула:

— Да какая же я рыженькая? Этот цвет называется «Солнечный луч».

— Мне по фиг, как называется. Главное, понравилась. Люб, выходи за меня. И дочка у тебя хорошая. И родителям я вроде твоим пришелся. Только давай сначала попробуем. — Взгляд его стал заискивающим. — А то вдруг какая несостыковочка выйдет. Я же не просто в загсе — венчаться хочу, детей, а это на всю жизнь. В общем, проверочка не помешает.

Он словно машину покупал и собирался тест-драйв мне устроить! Я была на грани нового приступа смеха, а этот чурбан, ровным счетом ничего не чувствуя, вновь потянулся ко мне.

Я резко вскочила на ноги.

— Слава, ты уж меня извини, , но, мне кажется, я тебе абсолютно не подхожу.

— Наоборот, ты мне очень нравишься. Можно даже сказать, влюбился с первого взгляда.

Он попытался силовым методом усадить меня на диван. Я оттолкнула его руку.

— И вообще, я старше тебя на целых пять лет.

— И хорошо. Мне молодые свистушки не нужны. Хочу в жены серьезную женщину. Между прочим, отлично сохранилась.

— Спасибо тебе, конечно, — пролепетала я, напряженно соображая, чем бы еще его огоршить.

Мои козыри явно не играли. Выдумать, что ли, какое-нибудь заразное заболевание! Нет, это годится только для насильника, а Слава скорее приличный человек. И я еще раз попыталась достучаться до его сознания:

— Понимаешь, как человек ты мне нравишься, а как мужчина — совершенно нет.

— Так мы же еще ничего не пробовали, — удивился он. — Откуда ты можешь знать.

— Знаю. Женщины это сразу чувствуют.

— На кой же черт ты ко мне на ночь глядя приперлась? Не понимала, что ли, зачем идешь?

Теперь он был в ярости. Я незаметно начала пятиться к двери. Кто знает, что от него теперь ожидать?

Слава орал:

— Разве можно мужику такое динамо крутить? Завела, распалила и смывается.

Я уже находилась в прихожей. Если набросится на меня, заору и попытаюсь убежать. Однако порядочность в Славе, на мое счастье победила инстинкт. Постояв немного и шумно подышав, он вдруг обреченно осведомился:

— Может, хотя бы подругу какую-нибудь мне порекомендуешь?

— С ходу сообразить не могу, но подумаю.

— А не к спеху. Вот когда приеду в следующий раз. А еще лучше ты мне сперва ее фотку по Интернету отправь. Равиль мейл мой знает. А если она мне понравится, я ей свою морду пришлю. Пусть думает до моего приезда. Надо, наверное, заранее готовиться, чтобы опять осечки не вышло.

Мне удалось отпереть замок.

— Не беги. Сейчас оденусь и провожу тебя, — уже полностью взял себя в руки Слава.

— Сама доеду.

— Нет, я так не могу. Мы ведь с тобой остаемся друзьями?

— Естественно, Слава.

— Тогда никаких возражений.

Мы вышли на улицу. Он поймал машину и довез меня до дома.

— Слава, спасибо тебе большое.

Теперь мне было его даже жалко. Действительно, получилось, что я его обманула. Мне захотелось его ободрить. Я чмокнула его в щеку.

— Когда приедешь, обязательно позвони.

Лучше бы я этого не говорила!

Глаз у Славы стал масляный.

— Слушай, мы ведь с тобой остаемся друзьями. Может, давай сейчас просто по-дружески перепихнемся, без обязательств?

Меня от него отбросило к дверце.

— Ой, да не бери в голову, — спохватился он. — Это я просто на всякий случай спросил. Сейчас на Ленинградку съезжу и девочку себе сниму.

VI

Домой я вернулась совершенно разбитая. Ощущение у меня было такое, словно вывалялась в грязи! Я налила ванну, накапала в воду смесь ароматических масел и, кинув в корзину для грязного белья все, что было на мне надето, легла отмокать. На душе по-прежнему было отвратительно. Ну почему я такая нескладная! Хотела устроить свою жизнь. И шанс реальный вроде появился. Не самый Слава плохой мужик. И ко мне был более чем расположен. А я сперва почти на шею ему повесилась, а потом оттолкнула. Вот он, естественно, и обиделся.

С другой стороны, противно! Ужасно противно! Где гарантия, что он и в предыдущие дни девочками с улицы не пользовался. А после ко мне полез. Меня чуть не стошнило от одной этой мысли. Схватив мочалку, я принялась яростно намыливаться.

Зачем, зачем он мне это сказал! Лучше бы вообще ничего не знать! Или он просто от обиды ляпнул, чтобы меня унижить? Все равно отвратительно.

Брезгливое ощущение не покидало меня. Интересно, как у других получается? Находят себе подходящего мужчину, спокойно ложатся с ним в постель, выходят замуж, часто при этом ничего не испытывая. Я точно знаю. Сами обычно и рассказывают. Мол, одно дело чувства, другое — обеспеченная семья. А у меня против этого все восстает. Не могу я без чувства!

Ну как бы мы со Славой стали жить? Невозможно представить! Мы с ним совершенно разные. Вот у него-то как раз очень практичный подход. Правда, он признался, что я ему сразу понравилась. Да я и сама это ясно почувствовала. С другой стороны, не успела я ему отказать, он принялся про подружку меня расспрашивать, запасной вариант искать. Или дело в том, что ему в невесты нужна именно москвичка? Проще там жизнь начинать, где жена выросла. Здесь родилась, все здесь знает, связи уже какие-никакие наработаны, друзья есть, знакомые. И ему вроде жизнь не с нуля начинать.

Неужели Слава это все рассчитал? Мне стало еще противнее. Я-то разнюнилась! И мной восхищается, и с Василисой сразу контакт налачился. Контакт у него! Элементарный расчет, и только.

Ну Равиль, спасибо тебе! Удружил! Хотя вообще-то считается, что браки по расчету самые крепкие. Но тогда, наверное, нужен расчет с обеих сторон. А если у одного по расчету, а другой только о любви думает, вроде меня, ничего не выйдет!

Я еще долго не вылезала из ванны. Вода остывала, я снова добавляла горячую. Вылезать не хотелось. Покинула я свое убежище, только когда кожа на пальцах сморщилась.

Вытерлась. Закуталась в халат. Упала на кровать. И крепко проспала до самого утра.

Настроение у меня несколько поднялось. Даже аппетит появился, и я не без удовольствия позавтракала, после чего позвонила родственникам.

Они крайне обрадовались, что я скоро приеду, и немедленно продиктовали длинный список вещей, которые забыли, но без которых попросту невозможно обойтись на даче. Среди прочего фигурировали новые Василисины резиновые сапоги. А то она, мол, вчера гуляла с ребятами и залезла в какое-то болото. Где она его только отыскала в подобную сушь? Правда, дети это умеют! Напомнила мама и про корзинку с банками. Так что я снова нагрузила свою бедную «лошадку» под завязку. Не судьба нам с ней, видно, путешествовать налегке.

По дороге я завернула в супермаркет, где среди прочего купила шикарный торт. Мама, конечно, мне выговор сделает, скажет, дешевле самой испечь, и вкуснее, зато Василиса и папа будут довольны.

Дорогой настроение у меня еще улучшилось. Теперь вчерашнее приключение казалось почти смешным. Я была рада, что быстро поняла, насколько мы со Славой не подходим друг другу. А то еще Васька к нему привыкла бы, пришлось потом по живому резать. Как вспомню, с каким выражением лица он крестик с шеи снимал, смех разбирает! Именно в этот момент мне окончательно стало ясно, что у нас ничего не получится. Взрослый человек, и всерьез такое делает!

Не доехав километр до нашего поселка, моя верная лошадка, видимо, не выдержав перегруза последних дней, зачихала, закашляла и заглохла. Я попыталась ее завести. Тщетно. Вот подлость-то, а! Ну не везет так не везет!

Я в сердцах ударила кулаком по рулю. Что мне теперь прикажете делать? Машина набита вещами. Если вызывать «Ангела», ее эвакуируют вместе со всем барахлом. А сколько времени на ремонт потребуется, неизвестно. Тем более в послепраздничный выходной! Хотя у этого «Ангела» вроде и выходных нет. Пожалуй, сперва позвоню отцу. Пускай с Васькой возьмут тележку. Хоть вещи на дачу заберут. И, может, кого из соседей попросят помочь с машиной.

Я набрала номер, но, видно, Васька расслабилась. Папа опять выключил телефон. Ну что за упрямство! А я, как назло, не знаю ни одного соседского телефона! На будущее обязательно следует выяснить.

Я задумалась: что же делать? Может, запереть машину, взять в руки то, что смогу дотащить, и пойти до дачи? Однако бросать мою лошадку одну на шоссе мне было боязно и жалко. Грузовики тут всякие носятся. Еще подобьют. Сколько я таких случаев знаю.

Я еще раз набрала номер. Папа по-прежнему недоступен. Я в отчаянии вышла из салона и открыла капот. С виду там было все в порядке. Разве что мотор несколько грязноват, но, насколько я знала, глохнуть он от этого не должен. Впрочем, в устройстве машины я совершенно не разбираюсь. Едет и едет. А каким чудом это происходит, мне непонятно.

— Помощь требуется? — раздался откуда-то сбоку мужской голос.

Я повернула голову. Возле меня, с интересом заглядывая под капот, стоял мужчина примерно моего возраста. Я вздрогнула. В первый момент мне показалось, что это Слава.

— Да что вы так пугаетесь! — Он улыбнулся. Улыбка хорошая, располагающая.

Нет, это совсем не Слава. Мужчина был повыше его, поуже в плечах, и черты лица гораздо мягче. Разве что цвет волос совпадал, и прическа такая же дурацкая. Словно у одного горе-мастера стриглись.

— Да я не испугалась. Просто вы так неожиданно. А я вот смотрела...

— Что случилось-то? — Он сунул голову под капот.

— Не знаю. Заглохла и не заводится.

— Диагноз ясен. — Он хмыкнул.

— Вы в этом разбираетесь?

Он лукаво взглянул на меня.

— Да можно и так сказать. В некотором роде. Садитесь за руль. Когда скомандую, попробуете завести.

Вот удача так удача. И какие у него красивые голубые глаза! Люба, стоп, немедленно пресекла я дальнейшие размышления на эту тему. Вчерашнего приключения тебе мало. Вот сейчас он тебе понравится, а у него наверняка жена и куча детей. Такие мужчины на дороге не валяются. Хотя и встречаются. Только вот результат может оказаться похуже, чем со Славой. На него-то тебе, Люба, наплевать, а тут все страдания на твою долю выпадут. Нет. Все. Никаких мужиков. Даже думать в ближайшее время не смей.

— Заводи! — прокричал он из-под капота.

Ноль эффекта.

— Стоп. Стоп, — последовала новая команда. — Нечего зря стартер гонять. Аккумулятор посадим. — Он подошел к моему окошку. — Тут дело серьезнее, чем я сначала предполагал. Слушайте, вы случайно не в «Металлург» едете?

Он что, мои мысли читает?

— Как вы догадались?

— Да я в прошлом году вас в местном магазине видел. — Ну и приятная все-таки у него улыбка! — У вас еще дочка такая смешная. На полном серьезе учила вас жить. Вроде вы тогда что-то, по ее мнению, неправильно выбрали.

Надо же, запомнил! Я забыла, а он...

— У вас тоже участок в «Металлурге»?

— Не у меня, у друзей, но я у них часто бываю.

Неужели он именно потому остановился, что меня помнил? Хотя нет. Вряд ли он знал, какая у меня машина. Люба! Люба! Прекрати! Опять вынуждена была осадить себя я. Просто хороший вежливый человек. Заметил женщину в бедственном положении и предложил помощь. Джентльменов, конечно, в наше время мало, но, значит, еще встречаются. Правда, толку-то никакого не вышло.

— Я вам вот что хочу предложить, — продолжил тем временем он. Думаю, починить я вашу машину смогу. Только повозиться немного придется, а это лучше делать не на шоссе, а в спокойной обстановке. Давайте возьму вас натрое, дотащу до дачи. Вы там разгрузитесь. Я до друзей доеду, скажу, что приехал, а через часок к вам вернусь и как следует покопаюсь в вашей машине.

— Ой, спасибо, но что вам в праздник возиться! — стало неудобно мне. — Дотащите, и то спасибо.

— Уверяю вас: мне это совершенно не в тягость.

Ну почему он на меня так ехидно смотрит. Может, я чем-нибудь лицо перемазала. Я заглянула в зеркало заднего вида. С лицом было все в порядке. Неужели узнал и специально из-за меня остановился. Я занервничала. А он уже извлек из багажника джипа трос.

— Давайте помогу, — засуетилась я.

— Сидите. Я сам.

Он ловко прицепил мою машину к своей.

— Кстати, давайте знакомиться, уж коли нас жизнь на дороге свела. Марк Самойлов.

— Любовь Коновалова. — в тон ему отозвалась я и протянула руку.

— Очень приятно.

— Мне тоже.

— Садитесь за руль, Люба. И, кстати, не вздумайте отпускать его.

Я обиделась.

— Вы имеете дело не с блондинкой! Он растерянно посмотрел.

— Не совсем понимаю вас.

— Я в смысле умственных способностей.

— Ясно. А я удивился. По цвету-то вы вроде как раз блондинка.

— Только по цвету, — отрезала я. — И машину вожу уже достаточно. И на буксире приходилось ездить.

Наверное, я вложила в свои слова чересчур много злости. Марк растерялся.

— Но я же не знал. А предупредить никогда не вредно. Никогда нельзя быть уверенным, что человек знает, а чего нет. Однажды я мужика одного на трос взял, а он, вместо того чтобы за

руль сесть, плюхнулся на заднее сиденье. Сидит там, покуривает и ждет, когда я его повезу. Хорошо, я еще с места не успел тронуться, иначе аварии не избежать.

Я засмеялась.

— Будьте спокойны. Не подведу.

— Ну тогда в путь, Люба.

До дачи он меня дотащил так бережно, словно моя машина была немислимой драгоценностью. Впрочем, может, он просто боялся, как бы она от резких толчков вообще не развалилась.

Навстречу нам из калитки выбежала Василиса. Видимо, давно на ней висела, ожидая меня.

— Дядя Слава! — увидев выбирающегося из джипа Марка, закричала она. — Ой, нет. Вы не дядя Слава.

— Правильно. Я дядя Марк. — Он протянул ей руку. — А тебя как зовут?

— Василиса, — мрачно буркнула дочка.

Кажется, в отличие от Славы, мой новый знакомый ей не пришелся. Да какая, в общем-то, разница. Однако ее поведение мне почему-то удовольствия не доставило.

— А вы кто? — смерила его угрюмым взглядом Василиса.

Марк молчал, явно не находясь, что ответить. Дочь переключила внимание на меня.

— Мамочка, что случилось? Почему тебя привезли на буксире?

У ворот уже стояли мать и отец.

— В аварию попала! — Моя родительница всплеснула руками. — Вот до чего доводит твоё лихачество.

— Где ты видишь аварию! — взвилась я. — Лучше бы проследила, чтобы отец мобильник не выключал. Я вам опять не могла дозвониться.

— Так мы ведь уже обо всем поговорили, — ничуть не смутился папа. — Ты уже ехала. Зачем телефону зря работать.

— А мне стой на шоссе. Если бы не Марк, вообще не знаю, когда бы до вас добралась.

— Ой, спасибо вам большое, — кинулся пожимать ему руку папа. — Так выручили.

— Да ерунда, не стоит благодарности, — смущенно откликнулся мой новый знакомый.

— Вы сами-то здесь живете? — любопытствовала мама.

— Нет. В гости к друзьям.

— А-а, — протянула мама.

— Ну хорошо, Люба, я поехал, — повернулся ко мне Марк. — Вернусь через часик.

Мама, проводив взглядом его удаляющуюся машину, нервно осведомилась:

— Ты его на обед пригласила?

— Нет. Он обещал починить машину.

Мама насторожилась еще сильнее.

— С чего это такие одолжения? Вы разве с ним знакомы?

— Нет. На дороге познакомились.

— А ты выяснила, сколько это будет стоить? — продолжала беспокоиться мать.

— Надеюсь, как-нибудь рассчитаемся. — Я была уверена, что деньги Марка, в данном случае, совершенно не интересовали.

— Галочка, как она могла выяснить цену, когда покамест неизвестен объем работ, — грамотно подошел к проблеме отец-инженер.

— Ох, вылетит нам его ремонт в копеечку, — вздохнула мама.

— А как там наш дядя Слава? — поинтересовалась Василиса.

— Замечательно. Он уехал. — Мне очень хотелось добавить: «И больше не вернется!» — но я поостереглась.

— Жа-алко, — протянула Василиса. — Я думала, ты его в гости к нам привезешь.

Кажется, она действительно строила по его поводу далеко идущие планы. Теперь придется ломать голову, как с ней объясниться, чтобы не слишком расстраивалась.

Впрочем, у нас и прежде взгляды на мужчин диаметрально расходились. Только обычно мне кто-то нравился, а ей нет. Со Славой вышло с точностью наоборот. Тревожный симптом. Я невольно подумала, что если моя дочь, когда подрастет, приведет мне кого-нибудь вроде Славы... Но не будем загадывать так далеко. Надеюсь, у нее с возрастом вкусы изменятся.

Марк действительно вернулся ровно через час и, даже не зайдя в дом, залез под машину, где я его и обнаружила.

— Надежда есть? — спросила я у торчащих из-под машины ног.

— Надежда есть всегда, — ответил он. — Да вы не волнуйтесь. Справлюсь. Как доделаю, позову.

— Может, чем-то помочь? — предложила я. Он засмеялся.

— Идите лучше и отдыхайте.

Я не стала стоять у него над душой, а улеглась в гамак, который отец натянул между двумя березами.

Видимо, в результате я задремала.

Потому что, когда открыла глаза, Марк стоял рядом, смотрел на меня, и на лице его была все

та же неотразимая улыбка. И еще... сажа.

— Где у вас можно руки помыть? Я соскочила на землю.

— Пойдемте провожу.

— Вот умоюсь, и можете принимать работу.

Машина моя завелась, что называется, с полоборота. Мы проехали контрольный кружок по поселку. Замечательно. Давно моя лошадка не работала с такой четкостью. Даже то, что в ней раньше постукивало, теперь почему-то стучать прекратило.

— Да вы волшебник! — вырвалось у меня.

— Просто в некотором роде специалист. Машинка у вас неплохая. После можем по-настоящему ее до ума довести.

— По-моему, вы уже довели. Куда уж лучше.

— Лучше всегда есть куда. Я уже вижу: есть над чем поработать.

— Марк, извините, пожалуйста, сколько мы вам должны? — подбежала к машине мама.

Кто ее просил вмешиваться.

Марк растерянно глянул на меня, и я поняла: сейчас он обидится. В следующий момент он, однако, улыбнулся.

— Ровным счетом ничего. Работы-то с гулькин нос.

— Нет, как же так. Вы столько времени на нас потратили.

Я с ужасом увидела, как мама извлекает из кармана фартука папин кошелек. Сказать ей: «Мама, прекрати!» — получится, будто я не хочу платить и мне денег жалко. А не остановлю, Марк оскорбится и сбежит. С моей мамы станется.

— Скажите сколько, и не стесняйтесь.

— Простите, не знаю, как вас зовут... — начал Марк.

— Галина Сергеевна.

— Так вот, Галина Сергеевна, деньги мне не нужны, — вкрадчиво проговорил он. — Но я согласен на бартер. У меня к вам ответная просьба.

— Какая? — Мама испуганно уставилась на него.

Меня он изрядно заинтриговал.

— Ну вы не позволите мне на сегодняшний вечер дочь вашу похитить? Друзья, к которым я в гости приехал, шашлыки затеяли. Вот я и хотел ее пригласить.

— Да... пожалуйста, если хотите... конечно, — пробормотала мама. — Хотя я не понимаю... А Люба-то согласна?

— Люба, вы согласны? — весело спросил он меня.

Я рассмеялась.

— Конечно, Марк. Замечательный бартер. Шашлыки есть — не в моторе копать.

— И замечательно.

В этот момент из-за куста жасмина вылезла Василиса и нарочито противным голосом заканючила:

— Мама, но ты обещала со мной побыть.

— У нас целая неделя впереди. — Я не собиралась поддаваться на ее провокацию.

— Так пойдем с нами, — тут же предложил Марк. — У моих друзей ребята твоего возраста. Вероятно, вы даже знакомы. Ты шашлыки любишь?

— Нет, — нахально соврала дочь. — Лучше дома посижу и маму здесь подожду.

— Обещаю вернуть в целости и сохранности! — прижав руку к сердцу, поклялся Марк.

VII

За обедом мама продолжала сокрушаться.

— Ужасно неудобно. Человек вместо отдыха в чужой машине ковырялся. А денег так и не взял. Между прочим, ты, Люба, знаешь, куда пойдешь в гости? — без перехода спросила она. — Там раньше Пылихины жили. Помнишь Надежду Михайловну?

Я не помнила.

— Не может быть, — продолжала она. — Ну такая старуха. Каждое лето под ситцевым зонтиком ходила.

— Зонтик помню. Но это ведь очень давно было.

— Нуда, — подтвердила мать. — Она уже лет десять-пятнадцать назад померла. А потом ее родственники долго дачу делили и в результате продали друзьям твоего Марка. Молодая пара.

— Да? — я удивилась. — А мне показалось, они должны быть моими ровесниками.

Мама кивнула:

— Я и говорю, молодые.

Интересно, теперь, оказывается, я молодая!

— Соседи на них очень жалуются, — с осуждением произнесла мама. — Там вечно шум, гам, дети орут, гости приезжают, до ночи музыка, песни какие-то. И свет чуть ли не до утра горит. Соседка, Мария Кирилловна, бедная, говорит, спать невозможно. У нее так кровать стоит, что свет из их дома ей прямо в глаза.

— Подвинула бы кровать или шторы повесила, — не видела особой проблемы я.

— Дело не в этом, — с еще большим осуждением продолжала мама. — Мария Кирилловна приезжает сюда отдыхать. Ей покой нужен.

— Разве она до сих пор работает? — любопытно спросил папа.

— Да конечно, нет, давно на пенсии. Ей восемьдесят пять лет. Просто она от шума в городе не знает, куда деваться. Раньше хоть тут было тихо, а теперь приезжает — то же самое.

— Галина, да что она так волнуется. Раз ей столько лет, то скоро вечный покой предстоит. Можно пока и шум послушать. Належится еще в тишине.

Папина реплика меня поразила. Обычно он солидарен с мамой. То ли на свежем воздухе расслабился, то ли не испытывал симпатии к Марии Кирилловне. Мама тоже удивилась:

— Юра, что ты несешь! При ребенке.

— Ну ты, ба, даешь, — не осталась в долгу Василиса. — А то я без деда не знаю, что все мы когда-то порем.

— Я не о том, — насупилась мама. — Нельзя так неуважительно говорить о старом человеке.

— Грымза она и сплетница, — сердито изрек отец. — Между прочим, и про тебя гадости рассказывает.

— Что интересно? — насторожилась мама.

— Не скажу, — уперся отец. — Буду я еще всякую чушь повторять.

— Нет, Юра, мне нужно знать. И откуда ты знаешь, что она говорила?

Папа никогда ей долго не мог сопротивляться и раскололся:

— В магазине в прошлом году услышал, когда в очереди за сахаром стоял. Ну помнишь, мы клубнику собирались варить? Нет, пожалуй, это было, когда ты смородину протирала. А Мария Кирилловна тоже за чем-то стояла и меня не замечала. И она какой-то другой бабке жаловалась, будто ты у нее безмен увела.

— Какое свинство! Я ей его отдала!

— Ну может, на тот момент ты еще не отдала. Или она забыла, — предположил отец.

— То, что брала, это точно. Мои собственные весы тогда сломались. Но я ничего у нее не крала.

— Вот я и говорю: ерунда.

— Нет, ну какая же противная старушенция! — кипела мама.

— Бабушка, ты нарушаешь свои собственные принципы, — ехидно заметила Василиса.

— Цыц! Я имею право.

— Никакой логики! Дедушка на год тебя старше. Почему же он не имеет права называть Марию Кирилловну грымзой, а ты противной старушенцией имеешь.

— Не твоего ума дело! — отрезала мама. — Тебе вообще слова никто не давал. Когда я ем, я глух и нем.

— Тогда разреши мне плеером за столом пользоваться, и я буду вместо вас музыку слушать, — отбила выпад внучка.

Почувствовав, что Василиса ей не по зубам, мама перекинулась на меня:

— Люба, ты совершенно распустила свою дочь! Никакого уважения к старшим!

— Мама, ты с ней проводишь времени больше, чем я...

— Естественно, у тебя на ребенка времени нет. По гостям все шляешься.

— Воспринимать это как намек, что я не должна идти к Марку?

— Ох, как вы мне все надоели!

Мама схватила кастрюлю с остатками супа и ушла на кухню.

— Васька, собирай тарелки, — распорядилась я.

— Кто вечером в гости идет, тот и собирает, — огрызнулась она.

Тут уж я рассердилась:

— Васька, не перегибай палку. Что-то тебе чувство меры отказывает.

Дочь моя, взяв только свою тарелку, демонстративно потащила ее на кухню.

— Растет ребенок, — многозначительно проговорил мой папа. — И, конечно, отца ей не хватает.

Вечером, собираясь в гости, я три раза переоделась. Никаких особых нарядов я на даче не держала, да и шашлыки на свежем воздухе к особым изыскам в одежде не располагали. Тем не менее мне непременно хотелось хорошо выглядеть. Поэтому, перебрав несколько пар джинсов, я остановила выбор на тех, которые сидели ладнее всего. Голубых, в обтяжку.

Я повертелась перед зеркалом. Попка очень даже аппетитно выглядит. Впрочем, зачем я стараюсь? Скорее всего после сегодняшнего вечера мы с Марком больше и не увидимся. Он в наших палестинах не живет, а когда еще снова к друзьям наведается. Но, по-моему, я ему нравлюсь. И он мне... тоже. Имею я, в конце концов, право хорошо выглядеть перед человеком, который мне симпатичен!

К джинсам я выбрала бирюзовую маечку, тоже в обтяжку, а на плечи накинула полосатый свитер. Сейчас тепло? а к ночи наверняка похолодает.

Старалась я, как показало ближайшее будущее, совсем не зря. Наградой мне был одобрительный взгляд зашедшего за мной Марка.

— Не дожидайтесь меня и ложитесь спать, — шепнула я на прощание маме.

Она выразила неодобрение поджатыми губами. Василиса на мой уход демонстративно не прореагировала. Она сидела в наушниках, уткнувшись в книжку. И когда я поцеловала ее в

макушку, недовольно дернула головой.

Мы с Марком вышли за калитку. Он молчал, я тоже, совершенно не представляла, о чем с ним разговаривать. Мы же фактически были не знакомы. Чтобы хоть как-то нарушить затянувшуюся паузу, я кашлянула. Он с улыбкой взглянул на меня, однако и после этого не вымолвил ни слова. И тогда от отчаяния я вдруг выпалила:

— А как, интересно, вы догадались, что я не замужем?

— Да я не догадывался. Я знал.

— Следили за мной? — Ответ его меня совершенно ошеломил.

— Нет, Люба, узнал об этом из вашего прошлогоднего разговора с дочкой в магазине. Дословно, естественно, уже не помню, но суть была в том, что отца у нее нет.

— А вдруг бы у меня другой муж оказался?

Вряд ли. — Он с довольным видом хихикнул. — Кольца на руке у вас нет. И на дороге, когда машина заглохла, ни разу мужа не упомянули.

— Ну мало ли по каким причинам я о нем не сказала. Может, к слову не пришлось.

— Так я подстраховался. Пока вы в гамаке спали, уточнил у вашего папы. Для стопроцентной гарантии.

Я поглядела на его руку. Кольцо отсутствовало. Марк поймал мой взгляд.

— Все правильно. Ни кольца, ни жены. Могу паспорт показать.

— Нет и не было? — захотелось уточнить мне.

— Была, но не удержал.

— И до сих пор жалеете?

— Жалел. Но она непременно хотела иметь детей, а у нас не получалось.

— Теперь-то они у нее есть?

— Нет. То есть, есть, но не в прямом смысле.

— Простите, не поняла.

— Ну они усыновили.

— А вы чужого не хотели?

— Она тогда не хотела. Надеялась своего родить. Да что мы с вами о грустном.

Но Марк ошибался. Мне грустно не было. Наоборот, ужасно интересно. Выходило, он уже год назад заметил меня, запомнил и при первой же возможности завел знакомство. И пусть даже у нас ничего серьезного не получится, все равно приятно. Ну Люба! Ну погоди! Еще на что-то годишься! Главное, парадокс. Сколько лет уже вообще никто внимания не обращал, а тут

мужик косяком пошел. Сперва Слава, а теперь Марк. Прямо женщина нарасхват.

Я спохватилась: мы опять молчали. Однако придумать новую тему или хотя бы развить дальше старую времени не осталось. Мы уже добрались до нужной дачи, и Марк принялся меня знакомить.

Хозяев, Лену и Костю, я в поселке действительно уже встречала, и мальчишек их тоже видела. Вечно гоняют по поселку с космической скоростью на велосипедах, сметая любые препятствия на своем пути. Настоящие вожди краснокожих. Сейчас они сидели в домике на дереве, орали и пробовали попасть в собаку прошлогодними картофелинами. Собака, видно, была тренированная. Она флегматично, но ловко уворачивалась. Одну картофелину она поймала пастью и, удалившись в кусты, смачно сгрызла.

Помимо нас с Марком и хозяев, в гостях были еще три пары. Они представились, однако имена их у меня тут же вылетели из памяти, а лица слились воедино.

Да это и не имело особенного значения, потому что мы тут же направились в овраг, где стоял большой мангал и стол с деревянными лавками. От мангала распространялся аппетитнейший запах шашлыка.

Лена притащила из дома две огромные миски с овощным салатом. Костя принялся открывать и разливать по бокалам красное вино.

Мы ели и пили. Я чувствовала себя уютно, хотя большинство бесед за столом не могла поддержать. Собралась старая компания, с длинной историей дружбы. Тем не менее меня не только не игнорировали, но, напротив, всячески стремились вовлечь в общий разговор.

Узнав, что я косметолог, женская часть оживилась. Жаль, пришлось их разочаровать. Мол, со следующего месяца смогу помочь только мужчинам. Женщины расстроились, а присутствующие мужики явно не относились к завсегдатаям подобных заведений. Их представление об уходе за собой сводилось к бритью, душу и парикмахерской по мере необходимости.

Словом, новых клиентов мне здесь не светило. Но рабочие проблемы меня сейчас волновали мало. Рядом со мной сидел Марк, очень близко сидел, я ощущала тепло его тела, чувствовала случайные касания его руки, бедра, и это кружило мне голову. И густое красное вино теплом разливалось по сосудам.

Давно, как давно мне не было так хорошо и спокойно! Один из гостей притащил гитару. Зазвучали песни студенческих времен, и каждая сопровождалась очередным: «А помнишь?». Вслед за чем следовали давние, но очень забавные истории. Их в подробностях и с удовольствием рассказывали. Специально для меня. Остальные-то и так помнили. Мне было интересно слушать, а им было интересно переживать все вновь. Так что каждый получил свою долю радости.

Стемнело. Угли в мангале догорели. И свечи, которые зажгли какое-то время назад, успели оплыть. Со dna оврага уже всюю тянуло сыростью.

— Вам не холодно? — заботливо спросил Марк. — Может, плед принести?

Беседа заметно затухала. Я заметила, как хозяин дачи несколько раз украдкой зевнул.

— Да, пожалуй, пора уже. Спасибо, Марк, » такой замечательный вечер устроили мне.

— Это вам, Люба, спасибо. — Он легонько обнял меня за плечи. — В кои-то веки полноценным человеком себя среди них почувствовал. А то они вечно парами, а я один.

«Он в эту компанию женщин с собой не приводил, — с удовольствием отметила я. — Ну если только раньше жену».

Поблагодарив хозяев, я попрощалась с остальной частью компании, и мы с Марком побрели к моему дому. Фонари на улицах поселка в ту ночь не горели. Тьма стояла, хоть глаз выколи. Хорошо, Марк догадался прихватить с собой мощный фонарь, которым светил нам под ноги.

— А что вы завтра делаете? — спросил он.

Я вздохнула.

— Предстоят садово-огородные работы. Участок после зимы очищать.

— И часок для меня не выкроите? Он хотел со мной снова встретиться!

— Возражений нет, — ответила я.

— Тогда предлагаю проверить качество моей работы. Давайте прокатимся куда-нибудь на вашей машине. Я ее как следует на ходу послушаю.

Это был явно только предлог.

— С удовольствием, — поддержала идею я. Посмотрела бы я, кто бы на моем месте отказался!

— Часиков в двенадцать. Устроит? Во второй половине дня я уеду.

— Да когда вам удобно, Марк. Сухие ветки я смогу собрать в любое время.

Мы остановились возле двери нашего домика. Наступал момент расставания. Пока мы шли, меня мучил вопрос: попытается Марк меня поцеловать или посчитает, что слишком рано?

Он нерешительно потоптался на месте.

— Ну значит, до завтра, Люба, — медленно проговорил он и протянул мне руку.

Я пожала ее.

— Спокойной ночи.

Он резко развернулся и пошел к калитке.

Меня пронзило разочарование, однако одновременно я испытала и облегчение. Марк куда меня не торопил. Он явно давал мне время подумать. С другой стороны, мне так хотелось поцеловаться с ним! Интересно, какие у него губы? Мягкие? Жесткие?..

Прекрати, Люба! Ты с ним знакома полдня. Это вино тебе в голову ударило! А Марк как раз большой молодец, что к тебе не полез. Наверняка Василиса в окно подглядывает, а он ей и так почему-то не понравился. Тебе лишних конфликтов хочется?

И, успокоив саму себя, я решила: вот завтра поедем кататься, тогда где-нибудь по дороге и спровоцирую его на поцелуй.

VIII

— Люба, что ты бродишь как неприкаянная? — спросила меня мама на следующее утро. — Лучше надела бы сапоги и помогла отцу с компостной ямой.

— Нет. Я жду Марка. Мы сейчас поедem проверить мою машину.

— Да он же вчера ее починил.

— Говорит, надо еще проверить, чтобы мы на обратном пути на шоссе не застряли.

— Да им просто вдвоем покататься захотелось, — вредным голосом объявила Василиса, которая, конечно же, оказалась рядом.

— Поехали с нами, — немедленно предложила я, хоть это совершенно и не входило в мои планы.

— Вот еще, — фыркнула моя дочь. — Вот если бы с дядей Славой, конечно, поехала бы.

— Дядя Слава в Тюмени. А машину надо проверить. Сомневаюсь, что тебе понравится полпути до Москвы пешком топать.

— А то на шоссе поймать ничего нельзя.

И она вихрем вылетела из кухни.

Мама выразительно вздохнула.

— Знаешь, Люба, по-моему, ты с этим Марком что-то многовато... Не нравится мне.

— Кто, Марк? Ну да. Понимаю. Тебе, видимо, Слава тоже понравился.

— Слава мне совсем не понравился, — сказала мама. — А Марк... Может, он, конечно, и ничего, но ты даже не знаешь, кто он. Со Славой хоть твой Равиль с детства знаком. Какая-никакая рекомендация. А тут, считай, на улице познакомились. Мало ли что у него на уме.

— Мама, у него очень милые друзья.

— Но ты и их вчера первый раз видела. Сколько таких милых. Сегодня хорошие, симпатичные, а завтра убьют кого-нибудь.

— Да я пока всего-навсего собираюсь проехаться с ним на своей собственной машине. Больше мне Марк ничего не предлагал. Ведет он себя очень вежливо и деликатно. Может, мы вообще после сегодняшней поездки и не увидимся никогда, а ты уже целую историю развела.

— Смотри, смотри. Тебе жить. Ты уже взрослая. Почти старая.

Приехали! Вчера я, по ее словам, была молодой, а сегодня превратилась в почти старую. Спор, однако, продолжить не удалось. В кухонном окне возникла голова Марка:

— Привет хозяйкам! Люба, вы как, готовы к поездке?

— Конечно, сейчас выйду.

— Василису берем?

— Спросите, но, по-моему, она не хочет.

Вопрос Марка меня озадачил. Мужики в таких случаях обычно не очень рвутся детей с собой брать. Бойтся со мной наедине оставаться? Или к Василисе подлизывается? Да какая мне разница. Она все равно не поедет.

Одеваясь в своей комнате, я услышала, как моя дочь сварливым и каким-то даже скрипучим голосом ответила Марку:

— Спасибо вам, конечно, большое, но мне в школе уроки задали. Придется учить.

Она даже не купилась на его предложение заехать по дороге поесть мороженое! Когда это, интересно, Василиса от такого отказывалась. Нет, я согршенно не хотела, чтобы она с нами ехала. Но меня раздражало и беспокоило ее стойкое неприятие Марка. Если она и дальше станет вести с ним войну, мою жизнь это не улучшит. Впрочем, поживем — увидим.

Марк сел за руль, и мы отправились в путешествие. Ехали, ехали, добрались до озера, вышли. Побродили. Марк держался от меня на расстоянии, не предпринимая ни малейшей попытки приблизиться. Так что возможности спровоцировать его на поцелуй мне так и не предоставилось.

Я даже решила споткнуться. Он успел меня поймать, но, едва поставив на ноги, тут же убрал руки и отошел. Странно. Когда мужчина действительно интересуется женщиной, он такого момента не упустит, уж постарается подольше сохранить телесный контакт. На худой конец предложит подержаться за его руку. Спросит, не подвернула ли я ногу. Может, даже и посмотреть ушибленное место захочет.

А этот стоит, в озеро камушки кидает, на меня даже не смотрит.

— Марк, по-моему, я подвернула ногу.

— Да-а? — удивленно протянул он. — Тогда поедем обратно. Там по дороге больница есть. Пусть врач посмотрит.

Этого еще не хватало! Нужен мне врач, когда я хочу, чтобы Марк меня посмотрел.

— Не надо в больницу. Это не так серьезно. Приеду домой и намажу чем-нибудь.

— Вы уверены? — Он с беспокойством воззрился на мою ногу.

— Да, да. Нормально. — В доказательство я слегка ей притопнула. — Уже почти не болит.

— Ну тогда поехали обратно?

Что на такое ответишь? Не говорить же самой: «Давайте побудем еще». Я и сказала:

— И впрямь, наверное, пора.

Обратный путь до поселка мы проделали в полном молчании. Марк не отрывал взгляда от дороги, а я все время думала, не сказать ли ему, что хочу мороженое. Глядишь, остановимся, посидим, снова разговоримся, а там... Нет, не буду! Иначе выйдет, будто напрашиваюсь на угощение. Правда, если самой его пригласить... А вот это как раз не получится: деньги забыла.

Как неудачно!

Только остановившись возле нашего участка, Марк нарушил молчание:

— Ну что ж, с машиной мне вроде ясно.

— До города доеду?

Он улыбнулся. До чего же у него обаятельная улыбка!

— И до города, и по городу. Но если хотите полностью ее до ума довести, прошу на мой сервис. Сделаем в лучшем виде.

Он вынул из кармана визитку и протянул мне.

Это что, рекламный трюк? Новый способ заманивания клиентов? Хотя при наших машинах и дорогах, по-моему, их и так достаточно. Нет, ничего не понимаю!

— Если надумаете, позвоните.

Он уже вылезал из машины. Выходит, даже не собирается взять у меня телефон! Я ему не интересна, чем-то не понравилась? Предоставляет мне право решать, надо нам дальше встречаться или нет? Не хочет навязываться? Или я неправильно себя повела, и он решил, будто не нравится мне? Ну не мужик, а сплошные загадки!

Сама предложу ему телефон! Нет, Люба, стоп! Не хватает еще, чтобы он вообразил, будто я ему навязываюсь! Да он вообще телефон свой из вежливости мог мне оставить! Вдруг я сперва показалась ему привлекательной издали, а когда присмотрелся, решил, что не то. Такое часто случается.

А может, вообще, я и сначала не слишком ему нравилась. Просто случайно запомнил. И на дороге случайно помог. Хотя зачем тогда было в гости меня приглашать? Просто от скуки?

— Люба, что с вами? Опять нога?

Он распахнул мою дверцу и заботливо склонился надо мной.

— Ой, да. Что-то дергает.

— Вам помочь? — Он подставил мне руку. Наконец-то!

Я вылезла и, усиленно прихрамывая, оперлась на его локоть. Сейчас или никогда. Нежно прильнув к нему, я почувствовала, как напряглись его мышцы и...

— Что случилось?

Из распахнутой калитки вылетела мама. Вот ее мне сейчас как раз не хватало!

— Да так. Ничего. На озере оскользнулась, ногу подвернула.

— Давайте, давайте, Марк, ее на кухню. У меня мазь есть хорошая и эластичный бинт.

Я продолжала держать Марка под руку. Мать, ничего не чувствуя и не понимая, пыталась подхватить меня с другой стороны. Ну почему обязательно все надо портить!

В кухне Марк усадил меня на табуретку и начал прощаться. Так он и не попросил у меня телефона, а сама я при суевающейся рядом маме предлагать ему не стала.

Едва он вышел, мама, бесполезно колдуя над моей совершенно здоровой ногой, спросила:

— Вы что, поругались?

— С чего ты взяла?

— Да он грустный какой-то. И ты надутая.

— Мне просто ногу больно. А с ним, по-моему, все нормально.

— Ох, и не нравятся мне эти отношения...

— Никаких отношений, успокойся, — оборвала ее я. — Он через час в Москву уезжает.

— И к лучшему.

Разумеется, с ее точки зрения. Все остаются на своих местах. А мне так хотелось плакать, что даже совершенно здоровая нога в результате заныла.

Я поднялась в свою каморку на втором этаже, легла, накрылась с головой простыней и заснула.

Проспала я до самого ужина. Родственники меня не трогали. Про то, что следует изображать, будто у меня болит нога, я совершенно забыла и спустилась вниз, ничуть не хромя. Мама отнесла столь мгновенное исцеление за счет чудодейственных свойств своей мази и весь вечер говорила только о том, как хорошо, что она поверила рекламе и купила ее. Мне оставалось только поддакивать.

Вся следующая неделя прошла в огородных работах и прогулках с Василисой. Дочь моя с отъездом Марка сменила гнев на милость, вполне наслаждалась общением со мной и про дядю Славу даже не упомянула, за что я испытывала к ней благодарность, потому что все мои мысли по-прежнему были о Марке. Вдруг он снова приедет сюда в ближайшую субботу или воскресенье. Вообще-то он вроде не собирался, но... Я даже несколько раз проходила мимо участка Кости с Леной. Там было пусто. Я расстроилась. Если не Марк, то хотя бы они сами приехали. Зашла бы тогда вроде как поприветствовать, о нем бы расспросила. Может, что интересное и узнала. Все же они давние его друзья. Но нет так нет.

Позвонить ему по приезду в Москву или не надо? Раз сам не предпринял никаких шагов, может, и пусть? Что, действительно, навязываться человеку. С другой стороны, если бы он не хотел больше меня видеть, зачем дал телефон? Значит, все же хотел. А сам никаких поползновений не делал, видно, боясь, что мне это не понравится.

Нет, все же я дура. Сама виновата. Слишком холодно с ним держалась. Надо, наверное, было пококетничать. Но я совсем разучилась. Выходит, Равиль прав. Надо тренироваться. Хотя что мне эта тренировка со Славой дала? Одно расстройство и головную боль. Голова у меня тогда действительно разболелась. В прямом смысле. От шампанского, которого выпила больше, чем нужно, надеясь, что желание появится. Теперь вот у меня желания хоть отбавляй безо всякого шампанского, зато ответного не наблюдается. И гадай теперь, ломай голову, в чем проблема. То ли во мне, то ли в нем.

Ох, что за жизнь! Сплошные несовпадения!

Нет, решено: вернусь в город и позвоню ему. Что, собственно, я теряю. Не захочет встречаться, увильнет. По крайней мере, хоть ясность наступит. А то я вот так понапрасну себя завожу, и, возможно, совершенно зря.

И, кстати, очень удачно, что я пока не работаю. Есть хоть время машину на сервис к нему отогнать. Денег, правда, осталось в обрез, лишних совершенно нету. Ничего, у Равиля займу. Или у Римки. Найду у кого. И, вероятно, если уж он меня пригласил, то наверняка скидку сделает.

Я, словно влюбленная школьница, часами разглядывала его визитку. Даже, признаюсь, нюхала ее. Увы, она пахла не Марком, а бензином. И почему никто не догадывается на визитках свои фотографии делать? Было бы очень удобно. Иногда тебе эти визитки в такой суете вручают, через час и не вспомнишь, кто это был. А с фотографией сразу ясно. И сейчас я бы на Марка смотрела. А так, шишь. Имя-отчество, фамилия, должность: «Марк Андреевич Самойлов — Генеральный директор сервисного центра „Колесо“». Из разговоров у Лены с Костей я поняла: Марк не просто генеральный директор, а фактический владелец этого заведения. Словом, скидка мне почти наверняка обеспечена.

Но, если честно, плевать мне было на скидку. Я хотела снова его увидеть!

И я позвонила! Он заметно обрадовался.

— Люба, очень удачно, что объявились! Я даже думал, может, в субботу сам к Лене с Костей заеду, и вас навещу. Но у них, как назло, обормоты заболели, и они остались в Москве.

«Он вспоминал! Он обо мне думал!» — застучало в моей голове, и сердце куда-то резко провалилось. Мне не хватало воздуха.

— Ну как ведет себя ваша лошадка?

— Неплохо, вашими усилиями, — тяжело переводя дух, отозвалась я.

Сейчас пригласит приехать!

Но нет. Дальше пошел какой-то необязательный вежливый треп вокруг да около. Чуть ли не о погоде.

Действительно, что ли, ждет от меня инициативы? Так вроде бы просто сказать: «Приезжайте, у меня сейчас время есть. Устроим вашей тачке прокачку». Великолепный предлог. Я бы на его месте уже сто раз воспользовалась. А он о чем угодно, кроме этого. Или передумал, или просто вежливо от меня отделяется?

Ой, как же сложно! И, главное, по-прежнему абсолютно непонятно. Что же, вот так еще немного поболтать ни о чем и положить трубку? Но тогда у меня больше не останется предлога ему звонить.

А вот возьму и нагло напомню ему о его обещании! Сам ведь вызвался. Я за язык не тянула.

— Марк, а знаете, у меня как раз еще есть несколько дней свободного времени, и я хотела воспользоваться вашим предложением. Ну довести лошадку до ума.

— Замечательно! — воскликнул он. — А я так боялся, что вы не решитесь.

Действительно ждал моей инициативы! Какой он милый и деликатный! А мне-то казалось, теперь таких не бывает.

— Что вы. Я как раз очень хочу.

— А завтра с утра возможно?

— Конечно! Во сколько?

— Да хоть к десяти. Адрес на карточке есть. Как доехать сообразите?

— Да. Представляю.

— Тогда до встречи.

Я положила мобильник на стол. Руки мои дрожали. Спасибо, спасибо тебе, моя дорогая лошадка! Благодаря тебе мы с ним познакомились, а завтра снова встретимся! Я так скучаю по его улыбке!

Я набрала номер нашей маникюрши Светочки. По счастью, она оказалась дома:

— Светуёк, выручай! У меня завтра свидание! Вопрос жизни и смерти! А руки после садово-огородных работ, как у шахтера.

— Вали ко мне. У меня дома все есть. Сделаем из тебя красотулечку.

Светка, конечно, с ходу пристала с расспросами:

— Кто он?

— Не пытай. Пока не скажу. Чтобы не сглазить.

— Такой ценный мужик?

— Ценный.

— И где ты его откопала?

— Представляешь, в буквальном смысле на дороге нашла.

— Валялся что ли?

— Нет. Скорее я. Машина заглохла. А он мне помог.

— И не боишься так, на дороге, знакомиться? Я бы ни за что не решилась. Столько маньяков развелось.

— Ты прямо как моя мама. У него друзья в нашем поселке живут.

— Это уже не так страшно. И что, интересный мужик?

— По-моему, очень. Светка вздохнула.

— Везет же некоторым.

— Погоди, еще неизвестно, чем закончится.

— Ну это всегда неизвестно. Даже когда замуж выйдешь.

Светка совсем недавно пережила развоя Мужа увела ее ближайшая подруга.

— Ой, ну руки ты, мать, запустила. Будто год маникюр не делала. Неужели перчатки нельзя было надеть? Тем более когда мужик появился.

— Ох, надевала. Сама не знаю, как вышло. Да на даче так вечно. Там за что-то схватилась, там начала что-нибудь делать...

— Не расстраивайся. Восстановим. Слушай, а у вас уже было? Он как в постели-то, нормально?

— Ничего еще не было. Светка ахнула.

— Ну хоть целовались?

— Нет.

— Не дала, или не пытался?

— Да... Скорее не сложилось.

— Знаешь, ты, прежде чем серьезно влюбляться, все же его проверь. А то мужик нынче хилый пошел. Через одного ничего не могут. Вот у моей подружки. Ухаживал так красиво, а до постели все не доходило. Мол, я тебя уважаю и люблю, хочу, чтобы у нас настоящая первая брачная ночь была. Ну и поженились. Свадьба, платье, гости — все как положено. А потом — ничего. Не может он. Импотент оказался.

— И что теперь? Развелись?

Светка махнула рукой:

— Нет, лечатся. Эта дура успела в него влюбиться! Теперь ей его жалко. Говорит, он хороший. Но от хорошеести дети не рождаются. И вообще, сама понимаешь. В общем, проверь обязательно.

Руки мои были готовы.

— Советую, ты еще к Юльке зайди. Она в фомичевском салоне на «Аэропорте» теперь работает. Волосы надо подровнять. И покраситься не помешает. А с лицом не мне тебя учить. Сама мастер, — посоветовала мне Светка.

IX

На следующее утро я при полном параде прибыла на встречу с Марком и, как мы с ним заранее условились, набрала его номер. Автоматические ворота тут же открылись, я въехала на чисто выметенную территорию. Марк поджидал меня возле двухэтажного здания с несколькими широкими въездами, возле которых стояли три новенькие дорогие иномарки.

Однако станет мне этот ремонт в копеечку! Нуда будем надеяться, не зря.

— Очень рад видеть вас, Люба!

Я снова растаяла от его улыбки. А он уже командовал в мобильник:

— Петр, выйди на площадку. Возьмешь ключи и обслужишь по высшему разряду.

Далее последовало не очень ясное перечисление того, что следует сделать с моей лошадкой. Объем работ намечался внушительный: лошадка наверняка останется довольна, а вот мой кошелек... Кажется, занимать придется не у одного, а у троих. И уточнение «по высшему разряду» меня в этом плане не слишком вдохновило. Одна надежда, что Марк мне все-таки предоставит скидку.

— Люба, да вы не расстраивайтесь. Я тут держать вас не собираюсь, — по-своему расценил он мой сосредоточенный вид. — Завтра приедете и заберете.

— Уже завтра? Так быстро? — Меня охватила тихая паника. Значит, сегодня вечером придется бегать и деньги искать!

Марк хмыкнул:

— Ну если вас не устраивает, могу в очередь поставить. Или, — в глазах его блеснули лукавые искорки, — может, вы рассчитывали, что ремонт займет месяца три и я дам вам пока другую лошадку покататься? Вообще-то у нас имеется такая услуга.

— Что вы, что вы! Ничего подобного! — Я совсем смутилась. Только этого не хватало. Окончательно тогда разорюсь.

— Да шучу, шучу. — Он взглянул на часы. — Ох, Люба, вы меня извините. Так хотелось бы с вами подольше поговорить, но день сегодня сумасшедший. Вынужден бежать. А завтра часиков в шесть подъезжайте. К этому времени все будет готово. Может, все-таки взамен что-нибудь дать?

— Нет, нет, Марк, не надо. К новой машине привыкать надо. Я боюсь. Да и только из-за одного дня. Мне вообще сейчас машина не нужна.

— Тогда... Ну давайте я попрошу кого-нибудь из ребят вас хотя бы до метро добросить. И не возражайте.

Тотчас появился еще один молодой человек в чистеньком серебристом комбинезоне с надписью «Колесо» на груди, а когда он повернулся, оказалось, что еще и на спине. Услышав, что от него требуется, он открыл ближайшую из шикарных иномарок и жестом пригласил меня в салон.

— До завтра, — помахал мне Марк и скрылся в недрах здания.

Мне ничего больше не оставалось, как устроиться во вкусно пахнущем натуральной кожей салоне.

Молодой человек молча вез меня к метро. Я чувствовала себя совершенно опустошенной. Марк даже не обратил внимания, как я сегодня потрясающе выгляжу: дура, зачем только старалась! И перед Светкой с Юлей напрасно одалживалась. Хоть бы на поздний завтрак пригласил. Так ведь нет: ни одной лишней минуты на меня не потратил! Я-то разбежалась! Свидание он мне назначил! Вот теперь мне моя наивность влетит в копеечку. Только Марку-то

зачем я понадобилась при таких клиентах? Я легонько коснулась рукой обтянутого сафьяном сиденья. Да весь ремонт моей лошадки, пусть и по высшему классу, двух подфарников вот этой машины не стоит! А еще мужики издеваются над женской логикой. Мужская логика — вот настоящая загадка!

Спереди деликатно кашлянули, и только после этого я сообразила, что мы уже достигли цели.

— Ой, такая уютная машина, даже выходить не хочется, — нашлась я.

— Ясное дело. «Ровер» кому ж не понравится, — с пониманием откликнулся молодой человек. — Будь у меня такой, целый день бы катался.

— Может, когда-нибудь будет.

— Спасибо на добром слове. Глядишь, к пенсии заработаю.

Он вылез, обошел машину и распахнул передо мной дверцу. Я попрощалась с ним.

После такой машины лезть в метро — настоящая пытка. Была одно время такая реклама со слоганом: «Почувствуйте разницу!». Я ее сейчас ощутила сполна. Народу в вагоне скопилась уйма, и пахло отнюдь не сафьяном, а каким-то бомжом, который, на мое несчастье, сидел совсем близко от того места, куда меня прижало толпой. Я уже жалела, что не согласилась на предложение Марка о временной машине.

И чего уперлась! Может, у них эта услуга вообще входит в стоимость ремонта. С другой стороны, я по городу на машине почти не езжу. Добралась бы сейчас до дома, поставила во дворе. Разве что назад к Марку на ней вернулась бы. А если, не дай бог, стукнулась на ней по дороге...

Поток пассажиров вынес меня на платформу. Мне предстояла еще пересадка и несколько станций на другой линии. Но хоть от бомжа избавилась. Как иногда мало нужно человеку для счастья!

Впрочем, счастливой я совершенно себя не чувствовала. Совсем наоборот.

Дома мне еще подлила масла в огонь мама.

— И во сколько нам это теперь станет? — спросила она меня прямо с порога.

Я замаялась.

— Пока не знаю.

— Как это не знаешь! Разве калькуляции тебе не сделали?

Всю жизнь ведь бухгалтером проработала. Знает специальные слова.

— Никакой калькуляции, — пришлось признаться мне.

— Хоть квитанцию дали? — На лицо моей родительницы пала тень мировой катастрофы.

— Да нет. Я и не спрашивала.

— Меня поражает твоя наивность. Оставить машину в руках почти незнакомого человека. Вот

ты приедешь, а там вообще никакого сервиса нет в помине.

— Мама, у него там ремонтируют шикарные иномарки. Зачем ему моя полудохлая лошадка?

— А зачем ему вообще понадобилось ее чинить?

— Не знаю. Но не отказываться же мне от выгодного предложения.

— Еще неизвестно, насколько оно выгодное. Вот выставит он тебе счет, а отдавать чем? Ты вообще последнее время непонятно о чем думаешь.

Я молчала. В общем-то мама была права, но именно это меня и злило, и я еле сдерживалась, чтобы не нахамить ей.

Вот если бы он меня пригласил... А так по-прежнему одни загадки и полная неуверенность в себе. И, главное, совершенно не знаю, сколько занимать денег, чтобы завтра за Ремонт расплатиться.

Остаток дня я посвятила поиску денег, и первым делом наведальась к Равилю. Он перешел в фомичевский салон на Ленинском проспекте.

— Ну как на новом месте?

— По-прежнему, может, в чем-то даже удобнее.

Выглядел он и впрямь вполне довольным жизнью, однако со мной разговаривал непривычно холодно.

Я знала: времени у него на работе в обрез, поэтому сразу взяла быка за рога.

— Денег не можешь ссудить мне на пару месяцев?

— Сколько?

— Да точно сама не знаю. Но чем больше, тем лучше.

— Тысячу рублей или тысячу долларов?

— Лучше последнее. — Лучше уж, если останется, верну ему.

— Экие у тебя запросы, подруга, стали, — присвистнул он. — Что случилось? Какой пожар?

— Машину по блату отдала ремонтировать. Сделают быстро, а во сколько станет, не знаю.

— А-а. — Видно было, что он сильно разочарован банальностью моих обстоятельств. — Не шуганула бы Славку, и побираться бы не пришлось.

Ясно, откуда холодный ветер подул. За друга обиделся.

— Равиль, ты слышал когда-нибудь поговорку: насильно мил не будешь. Старалась, но не могу. Неплохой, в общем, парень твой Слава, но не мой.

— Ну и жди своего принца. Так до пенсии прождешь. Я тебе помочь хотел.

— Лучше деньгами мне помоги.

— Что с тобой сделаешь. Приходи завтра. Наскребу.

— Всю тысячу?

— Да куда от тебя денешься. А Славку ты зря так опустила.

— Положим, Славка твой совсем не ангел.

— Значит, что-то у вас нехорошо вышло, — заинтересовался Равиль. — Мне показалось подозрительным, что ты его без причины отшила. Вроде настрой у тебя другой был.

— Вот именно как раз ничего и не вышло.

— Неужто Славка оплошал? Не верю! Даже не пытайся убедить.

Однако видно было, что мысль ему эта приятна. Мол, сам он еще ого-го, а Славка плошает.

— Нет, Равиль, вынуждена» тебя огорчить: оплошала я. Переоценила свою силу воли. Не могу без любви.

— Ох мне эти ваши бабские штучки, — устало изрек Равиль.

— Да они не совсем и бабские. Сколько баб вокруг живет прекрасно без любви. А я вот такой урод: не могу. Противно.

— Да не расстраивайся. Другого тебе подберем. Которого полюбишь.

Мне хотелось ему сказать: уже полюбила, да толку чуть. Но Равиль замучит расспросами хуже Светки.

— Вообще, я бы на твоём месте со Славкой Не торопился, — вернулся на исходную точку Равиль. — Намекаю тонко: он еще надеется на продолжение. И себя ругает, что совсем в своей Тюмени одичал и запамятовал, как порядочные московские барышни любят хорошее обхождение. Если честно, подруга, у него к тебе серьезные чувства. Запал на тебя по полной. Тут ты, может, даже права, что хвостом вильнула. Больше ценить будет.

Нет, комплексами наши мужики явно не страдают! Убеждены в собственной неотразимости. И еще в том, что упорством можно добиться даже любви.

— Равиль, откровенно хочешь? Намекни ему тонко: пусть не надеется, — отбила выпад я.

— Подумаю над твоими словами. Но и ты подумай. Остынь. Вокруг оглядись. Мужиков-то стоящих раз, два и обчелся. И ты не молодка.

— Вот тебе спасибо. Утешил.

— Мы же друзья. Кто тебе еще правду скажет. А завтра утром штуку свою получишь.

В дверь постучали, и в кабинет ступила молодая обворожительная блондинка. Равиль сделал стойку.

— Ой, извините, я, по-моему, ошиблась кабинетом, — пропела она.

— Вы на массаж? — Равиль не сводил с нее глаз.

— А у вас теперь можно и массаж делать? — Девушка с интересом оглядела его и, кажется, осталась осмотром довольна.

— Мастер волшебные руки, — сказала я. — Не пожалеете.

Меня девица взглядом не удостоила, а ему сказала:

— Обязательно попробую. Вы завтра работаете?

— Могу записать. Утром хотите? Окончания их переговоров я решила не дожидаться.

— Равиль, я пошла.

Он лишь вяло махнул рукой на прощание. И как это у него получается? В одном я почти не сомневаюсь: скоро меня позовут в гости. Восстанавливать семейную гармонию.

Собираясь опять в «Колесо», я начала тщательно одеваться, но потом раздумала. Чего ради стараться. Выряжусь опять, как идиотка, а Марк посмотрит на часы и попрощается. Нет уж, больше я ему удовольствия не доставлю. Даже голову мыть не буду.

Я затянула волосы в хвостик, надела старые джинсы и ветровку. Так и поехала.

Лошадка моя уже дожидалась меня на площадке. Отмытая и сияющая под лучами заходящего солнца.

На этот раз мой внешний вид, кажется, произвел впечатление на Марка. То есть он не сказал по сему поводу ни слова, однако во взгляде его я прочла недоумение.

— Ну давайте вместе проедемся. Послушаете, как теперь моторчик поет.

Он сел за руль, мы поехали. Покружили по району. Сердце моей лошадки билось четко и ровно: она и впрямь от удовольствия пела.

— Замечательно, — похвалила я, когда мы вернулись к воротам. — Стала как новенькая.

— Старались.

Наступал самый сложный момент. Взявшись за сумочку, я спросила:

— Сколько я вам должна?

Он вскинул на меня совершенно ошарашенный взор.

— Мы вроде не договаривались, что вы платить будете.

— Но ведь люди работали, — проямлила я. Что он от меня, в конце концов, хочет?

— Если, конечно, вы очень настаиваете, я могу вам выставить счет, — медленно и тихо проговорил Марк. — Но предупреждаю: тогда я обижусь. Потому что хотел вам сделать подарок.

— Марк... Такие подарки... — Я снова не знала, что и подумать.

— Если вам уж так неудобно, — теперь он перешел на бешеную скороговорку, — предлагаю

компромиссный вариант: пригласите меня в ресторан.

С таким я еще не сталкивалась. Обычно в ресторан приглашали меня. Даже Равиль. Или Марк подобным образом напрашивается на свидание? Оригинально, но лучше, чем ничего.

— Идет.

— Прямо сейчас? — Марк явно обрадовался. — А почему нет, если у вас есть время.

— Сегодня я, как Винни Пух, свободна до пятницы. На моей лошадке поедем или вы свою хотите взять?

Он задумался.

— Большой вопрос. Нет, лучше давайте на двух поедем. Я свою потом где-нибудь на стоянке оставлю.

— А я свою в гараж загоню.

— Тогда поехали. Куда приглашаете?

Х

Мы сидели визави в уютном итальянском ресторанчике. Играла тихая музыка, и все было так, как мне и мечталось. Марк смотрел на меня нежным взглядом. Я будто вернулась в тот вечер у Лены и Кости, только теперь мы с ним наконец оказались вдвоем. Первый раз, если не считать той нелепой поездки на озеро. И Марк вел себя совсем по-другому.

На этот раз он не молчал. Он говорил, говорил. Словно плотину прорвало. А я сидела, ела и любовалась его лицом, таким живым и открытым. Он рассказывал о себе. О детстве, которое у него прошло в большой коммуналке как раз неподалеку от этого ресторана. Когда проезжали мимо, он показал мне окна своей бывшей комнаты. Костя, оказывается, тоже обитал в этой коммуналке, и они с ним в детстве гоняли наперегонки на велосипедах по широченному коридору.

Потом их расселили, и встретились они совершенно случайно в Автодорожном институте, в КВНе вместе участвовали. Слово за слово, вот и вспомнили друг друга. С той поры опять дружат.

Он рассказал, как открывал свой автосервис. Сперва пришлось поработать простым механиком. Зато теперь он знает весь цикл от и до.

— Нуда. И в жизни, наверное, очень пригодилось, — засмеялась я. — Вот и мою лошадку на ходу сумели запустить. А были бы обыкновенным генеральным директором, какая от вас польза.

— Вот именно. — Он кинул на меня многозначительный взгляд. — Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь: самые ценные навыки — это когда можешь что-то сделать собственными руками. Готовить, машину починить, дом построить, дрова порубить.

— И вы все это можете! Не человек, а находка!

Он засмутился.

— Конечно, не все, но кое-что да. Только, Люба, я это делаю совсем не для того, чтобы казаться ценным человеком. Просто доставляет удовольствие. Понимаете, сам процесс. Вот сейчас, например, строю баню.

— В Москве?

— Нет, это было бы слишком. Участок за городом год назад купил, теперь понемногу обживаюсь, когда время свободное выдается. Только... — Он с грустью повел головой, а я подумала: «Если его постричь покороче и вместо пробора волосы чуть вперед зачесать, ему бы очень пошло». — Понимаете, Люба, — продолжил он, — чем лучше идут дела, тем меньше свободного времени остается. Я раньше мечтал:

заработаю денег, построю дом за городом, сделаю там каждую мелочь по своему вкусу, поселю родителей, сам после работы приезжать буду. Вот возвращаешься усталый, а там папа с мамой, жена; дети по всему дому носятся. Ну как у Кости с Леной. — Он улыбнулся, однако, невесело. — А на деле... — Он помолчал. — Сейчас и деньги на дом есть, а родители умерли, с женой и детьми тоже не получилось. И строю для себя пока одну баньку. В ней ведь и жить можно будет, пока до дома руки дойдут. Да и зачем мне одному дом?

Это что, интересно, он просто так сказал или намекает, что хочет встречаться с серьезными намерениями? Ну и сказал бы прямо. Замучилась расшифровывать его намеки! Хотя вот Слава как раз прямо сказал, но мне от этого лучше не стало. Наоборот, скорее неприятно. Нет уж, пусть идет как идет. Главное, начало положено. Какой потрясающий мужик!

Он продолжал говорить, а я слушала, пропуская добрую половину мимо ушей, настолько меня завораживал звук его голоса. Марк мне нравился все сильнее и сильнее. Это был мой мужчина! И я мечтала только о том, чтобы он действительно стал моим.

Однако счастье всегда недолго. Вот и наш ужин подошел к концу. Я попросила официанта принести счет. Он воззрился на меня как баран на новые ворота:

— Счет уже оплачен.

Я перевела взгляд на Марка. Он смеялся. И когда только успел? Видимо, улучил момент, когда я в туалет выходила!

— Марк, так нечестно! Уговор дороже денег!

— И вы вообразили, будто я действительно позволю вам платить за себя? Хорошо же вы обо мне думаете!

— Думаю-то я о вас хорошо. Только ведь получается, вы и за меня заплатили, и за ремонт моей машины.

— Давайте не считаться.

— Марк, мне неудобно.

— Знаете, я могу себе это позволить. Ладно, если вы очень настаиваете, я к вам в салон приду, и вы мне бесплатно сделаете какую-нибудь процедуру, улучшающую цвет лица.

— Все сделаю, — заверила я. — Начиная от маникюра...

— Только не это, — перебил он. — Щекотно будет. Или это намек на ужасное состояние моих рук? — Он посмотрел на свои ладони, поцокал языком. — И впрямь не очень. Тут, Люба, знаете, одно из двух: либо красивые руки иметь, либо бревно строгать. Эх, сдаюсь. Обходите одинокого, заброшенного, запаршивевшего мужчину по полной программе.

Я хихикнула:

— А эпиляцию делать будем? На лице его отразился ужас:

— Это еще зачем?

— Некоторые требуют.

— Нет, эпиляция, пожалуй, для меня слишком большой изыск.

Я воспользовалась предложением:

— Но хотя бы постричься под моим чутким руководством согласны?

Марк с беспокойством взъерошил пятерней волосы.

— Да я вроде только постригся. Считаете, не очень удачно? Вроде в модное место ходил.

— Совсем неудачно, — отважилась я. — То есть стрижка сама по себе хорошая, но вам не идет.

— Поверю профессионалу на слово, — покорно развел руками он. — А мне казалось, нормально.

— Вот когда будет нормально, сами почувствуете разницу.

Отведу его к Римке, и сама проконтролирую, чтобы она сделала именно то, что мне хочется. А заодно и за Римкой прослежу, чтобы чего лишнего себе не позволила. Ведь меня увидит и обзавидуется. Кстати, действительно познакомлю ее со Славой.

Теперь я с замиранием сердца ждала, что Марк предложит мне дальше? Он ведь до сих пор не попросил у меня номера телефона. Наверное, у него есть собственная квартира. Может, он сейчас позовет меня к себе кофе пить? Я его к себе пригласить не могу. Марк знает, что у меня полно народу. А пригласить после обеда на кофе — вполне естественный шаг. То есть, точнее, мы кофе уже в ресторане выпили. С замечательными итальянскими пирожными. Но кого это и когда останавливало? И, главное, я так хочу, чтобы Марк предложил мне зайти к себе! Со всех точек зрения хочу! И очень интересно посмотреть, как он живет, и возможность для дальнейшего сближения открывается.

Но я зря надеялась. Марк всего лишь довез меня до дома. Правда, остановив машину возле подъезда, наконец-то сказал:

— Слушайте, Люба, а телефон свой вы мне так и не дали. Как мне теперь с вами связываться?

— Разве? — разыграла удивление я. — Мне казалось, он у вас есть.

И быстренько, пока он не передумал, продиктовала ему мобильный и домашний.

— Надеюсь, мы с вами еще куда-нибудь ходим? — Он выжидающе глядел на меня. — Вы пока не работаете?

— Начну только со следующего месяца. А сейчас учеба начинается. Вот освою новую косметическую продукцию, потом на вас опробую.

— Надеюсь, мы раньше увидимся.

Я тоже на это очень надеялась.

— Придумаю что-нибудь интересное и позвоню, — добавил он.

— Замечательно. Я учиться буду только по утрам.

— Ну Люба, до встречи.

Он взял мою руку и, проникновенно глядя мне в глаза, поцеловал. Меня как током пронзило. Я ждала продолжения, но его не последовало.

Я смотрела вслед его удаляющейся машине, и душу мою ржавчиной разъедало разочарование. Почему он не позвал меня к себе? Словно дразнит! Теперь сиди как дурочка у телефона и жди, когда он соизволит придумать что-нибудь интересное! А вдруг его вообще что-нибудь отвлечет? Или интересное не придумается...

Ничего себе положение! Впору специально машину колотить, чтобы появился предлог для встречи. Хотя тоже не очень прилично — что же, он опять должен бесплатно с моей лошадкой возиться? Хамство и наглость. Верный способ мужика отпугнуть. Или, наоборот, он почувствует себя важным, ценным и нужным? А, что загадывать. Вдруг он сам решится позвонить?

Следующие три дня я вздрагивала от каждого звонка. Кровь прилиwała к лицу, и я почти падала в обморок, но это оказывался кто угодно, но не Марк.

В свою очередь, я почти довела до обморока Равиля, привезя на другой день обратно не потребовавшуюся мне тысячу долларов.

— Уже отработала? — в состоянии, близком к шоковому, воскликнул он. — Каким образом?

— В казино выиграла, — решила поиздеваться над ним я.

Он почти поверил. И очень, по-моему, позавидовал, но, взглянув на купюры, успокоился:

— Не свисти, Любка, это те же самые.

— Никак номера запомнил?

— Именно. Они подряд были. Из одной пачки.

— И ничем-то вас не обманешь, товарищ генерал. Да успокойся. Просто деньги твои не понадобились.

— Ремонт не сделали?

— Сделали, и отличный!

И тут он даже с каким-то уважением спросил:

— Неужели натурой расплатилась?

— Фу, как пошло!

— Подруга, не обижайся, пожалуйста. Я в качестве комплимента!

— Ну ты хам!

Его синие глаза взирали на меня с невинной детской восторженностью:

— Да как ты не понимаешь! Деньги за ремонт от любой возьмут, а натурой совсем не от каждой.

— В таком случае, подружка моя любимая, вынуждена тебя разочаровать. Я ничем не расплачивалась.

— Мужика подцепила! — возопил он. — А кому спасибо? Равилю! Предоставил тебе возможность на Славке потренироваться, и результат пошел. Сколько денег сэкономила!

— Слушай, я не из-за денег!

— Какая разница, из-за чего! Главное, экономия налицо. Мужик-то нормальный? При деньгах?

Не удержавшись, я похвасталась:

— Хозяин автосервиса.

Равиль загорелся:

— Ценнейший кадр! Слушай, мою тачку к нему по блату пристроить нельзя?

— А обрабатывать, значит, мне? — ехидно осведомилась я.

— Почему. Я заплачу. Или бартером. Готов ему курс массажа сделать.

— По-моему, ты зря из нашего салона ушел. Все чаще изменяешь принципам.

— Ради родной машины чего не сделаешь, — ничуть не смутился Равиль.

— Циник ты, — бросила я ему на прощание.

Его следовало принимать таким, какой он есть.

Три дня я ждала. И три ночи мучилась. Чем больше проходило времени, тем страшнее мне становилось, что Марк больше не позвонит.

Он позвонил. Мы опять встретились. А потом еще. И еще. Мы уже с ним были на «ты», когда он наконец решился пригласить меня к себе домой.

Это была типичная холостяцкая квартира, из тех, куда приходят только ночевать. Чисто, аккуратно, но не уютно. Меня это не огорчило, а обрадовало. Женщиной здесь и не пахло.

Марк сварил очень вкусный кофе. Мы посидели. Послушали музыку. И разошлись. Вернее, он снова проводил меня до дома и поцеловал на прощание в щеку. Это, конечно, уже ближе к делу, чем поцелуй руки, но недостаточно.

Я по-прежнему терялась в догадках, однако сама торопить события не решалась. Стиснула зубы и набралась терпения.

Салон наш тем временем открылся. За месяц Таймуразов провернул грандиозный ремонт. Мрамор и колонны были, конечно, фальшивые. Но, если особо не приглядываться, выглядело внушительно. Нечто среднее между греческим и русским купеческим стилем — много блеска, золота, всяческих арочек, нишек, в которых стояли вазы и гипсовые изваяния обнаженных дев и юношей — в расчете, как я полагаю, на различную ориентацию потенциальных клиентов.

Нас Фомич обрядил в белые хитоны с золотым шитьем. На мой взгляд, весьма безобразно, да и работать неудобно, но с хозяином не поспоришь. Он говорил, что это концептуально.

Клиентов поначалу действительно было мало, и я, воспользовавшись моментом, заманила Марка. Римка, как его увидела, затряслась. Но я ее сразу предупредила:

— Стричь стриги, но в остальном руками не трогать.

— Твой, значит? — Как она это сказала! — Отхватила-таки где-то!

Да, надо ее со Славкой свести! Стрижка действительно преобразила Марка. Ему самому понравилось.

— Буду теперь только к вам ходить, — с удовольствием глядя на себя в зеркало, сообщил он Римке.

— Милости просим, — ответила Римка и состроила ему глазки.

Я рассердилась и в отместку сделала Марку чистку лица и три разных маски. А после отправила на маникюр и педикюр. Оттуда он вышел какой-то подавленный и смущенно сказал:

— Раз в год, конечно, можно, но вообще странное ощущение.

— А ты привыкай, — посоветовала я. — Вышел в буржуазию, так держи фасон.

— Люба, а для тебя это важно? Интересный вопрос!

— Не то чтобы очень, но приятно.

— Тогда сдаюсь. Буду ходить. Заодно за тобой пригляжу. А то еще уведут.

Его слова бальзамом разлились по моему сердцу.

XI

Мы с Марком встретились еще несколько раз. Так же невинно, как и прежде. Я продолжала теряться в догадках. Он явно был ко мне равнодушен и расположен, но почему-то при этом не предпринимал никаких решительных шагов.

Может, у него действительно какие-нибудь проблемы по мужской части? Мне все чаще вспоминались слова Светланы. И еще эта история с бывшей женой. Она ушла от Марка, потому что у них не было детей. Правда, он сказал, что у нее и со вторым мужем ребенка не получилось, но причина в обоих случаях могла быть разная. Как бы узнать? Наверное, надо с Леной поближе познакомиться. Она давно с Марком дружит, наверняка в курсе.

Потом на какой-то момент мне стало не до Марка. Собственный ребенок занял все мое свободное время и все мои мысли. Я собирала Василису на дачу. Она ухитрилась вырасти даже из того, что ей покупали в мае! Пришлось сломя голову носиться по магазинам. И еще Василиса решила заранее закупить канцтовары к новому учебному году. И список книг мне вручила по внеклассному чтению, большую часть которых тоже пришлось покупать. А родители мои из-за наступившей жары раскисли и оказались плохими помощниками. Они сидели дома, глотали таблетки и мечтали о свежем воздухе. Я бы их вывезла пораньше, но у Василисы, как назло, в школе устроили практику, которую она пожелала отбыть от звонка до звонка. Смысла в этом, по-моему, не было никакого. Дети болтались по пустой школе, что-то мыли, благоустраивали территорию. А на самом деле просто общались.

Наконец и это испытание кончилось. Я в два захода вывезла свое семейство на дачу. За это время несколько раз отказывалась от свиданий с Марком. Он даже предлагал мне помощь в перевозке ближайших родственников, но я не чувствовала себя вправе подвергать его такому испытанию. К тому же процесс этот весьма интимный: прими я его помощь, мои родственники могли воспылать ненужными надеждами, и чего доброго все испортили бы, вмешавшись в наши и без того очень зыбкие отношения.

Вернувшись в Москву, я два дня отсыпалась и приводила себя в порядок, а то чувствовала себя загнанной лошадкой.

Только после того, как мое отражение в зеркале стало более или менее нормальным, я решилась позвонить Марку. Мобильник его оказался вне зоны досягаемости и пребывал в таком состоянии до конца дня. Услышав на следующее утро тот же ответ, я осталась в полном замешательстве. Меня охватила тревога. Обычно он всегда находился на связи. Вдруг что-то случилось? Вечером я позвонила Марку домой. Трубку никто не взял. И мобильный по-прежнему не работал.

Утром я позвонила Марку в офис. Подошла секретарша, радостно объявившая, что Марк Андреевич в отпуске и будет не раньше чем через две недели. Он уехал даже не предупредив и не попрощавшись! Такое вообще не укладывалось у меня в голове. Я ему все про себя рассказывала, а он вообще ни слова не произнес об отпуске. Путевку горящую, что ли, купил? Нет, на него не похоже. Но, в конце концов, он вправе считать себя свободным человеком. У него передо мной нет никаких обязательств. Мы с ним даже не любовники. А многие мужчины и перед женами не любят отчитываться. Главное, выяснила, что жив-здоров. Я как могла оправдывала его поступок, но горечь и обида не уходили.

В пятницу я уехала к своим. А в субботу с утра наведальась к Косте и Лене. Они обрадовались. Лена меня угостила вкуснейшим морсом из ягод. Разговор шел ни о чем. Я уже собралась уходить (не спрашивать же напрямую про Марка, стыдно как-то), когда Костя, то ли догадавшись о цели моего визита, то ли вовсе без всякого умысла, сказал:

— Вот справится Марк со своей баней, обязательно снова соберемся. И шашлычки, конечно, затеем.

Я прикинулась, будто сама все знаю про Марка.

— Да, забрался он в свою глушь. И, похоже, надолго.

— Ой! — мигом отреагировала Лена. — Он прошлым летом, когда начинал строительство, уехал вроде бы на недельку, а пропадал на месяц. Во вкус вошел.

— Тебе, Лена, дай волю, сама круглый год на даче будешь торчать, — хмыкнул Костя.

— Ну здесь электричество, газ, магазин, а у Марка там дикое поле да лес, — парировала Лена. — Людей почти нет. Никто из соседей строиться еще не начал.

— Вот, вот, — подхватил Костя. — Марку это и нравится. Когда мы к нему приехали, он встретил нас в бороде, босиком и с лучиной. Он вас туда еще не возил?

— Пока нет, — ответила я.

— Не торопитесь, пока не достроит, — предостерегла Лена. — Там ужас сколько комаров.

— Зато дичи полно. Мы осенью славно поохотились.

Пес, услышав слово «охота», звонким лаем поддержал хозяина.

— Ой, он там так набегался! — воскликнула Лена. — А мне пришлось куропаток потом ощипывать. Жуткое занятие!

— А насчет позовет... — задумчиво начал Костя. — Марка, что ли, не знаешь? Он сперва достроит, лоск наведет, а уж после пригласит на смотрины.

Чужая душа, конечно, потемки, и как себя поведет со мной дальше Марк, я не знала, но почему-то после разговора с Леной и Костей мне стало легче.

А Римка меня спрашивала:

— Чего твой-то не приходит. Месяц уже прошел. Подровнять пора.

Не признаваться же ей, что Марк без меня в отпуск уехал. Про баню она не поверит. Поэтому я ей отвечала:

— Занят. Освободится, обязательно придет.

Но она пристала, словно банный лист к известному месту. Предложения, мол, еще не сделал? Чего тянешь. Надо мужика скручивать, пока тепленький, а то уведут. Девки сейчас пошли ушлые...

До того она мне надоела, что я созвонилась с Равилем и попросила передать Славе, чтобы, когда приедет, сразу мне позвонил. Зачем, не сказала. Равиль оживился:

— О-о, выходит, передумала.

— Нет, дело в другом.

— В чем же?

— Не скажу. Секрет.

— Ну как знаешь.

— Только Славе обязательно передай.

— Можешь сама ему позвонить.

— Предпочитаю через тебя.

Фотографию Римкину по интернету я отправлять не хотела. Вдруг не понравится. А вот при живой встрече она его не упустит, и я двух зайцев убью: оба меня в покое оставят.

Марк неожиданно объявился к концу июля. Прав был Костя: двумя неделями его отпуск не ограничился.

— Люба, куда ты пропала? — Голос его звучал недовольно.

— Ну потрясающе! Сам уехал, ничего не сказав, а я, оказывается, пропала!

— Ты ведь была так занята. Я решил: освободишься, сама позвонишь.

— Я-то позвонила, но ты был вне досягаемости.

— Да. Пару дней. Мобильник сел, а в машине бензин кончился. Но потом я снова на связи был.

— А я уже к тому времени все узнала. Ты в отпуске. Баню свою достраиваешь. Решила, не хочешь, чтобы тебя тревожили. Ты уже в городе?

— Через два дня буду. Все доделал. Скоро поедem вместе посмотреть. Люба, я очень соскучился!

И тут я решилась:

— Тогда через два дня в восемь вечера у меня. Квартира пустая. Ужин вдвоем.

— Хорошо-о, — как-то неуверенно протянул он.

— Жду. — И я отключилась.

Два дня скребла квартиру и продумывала меню. Приготовить нужно с вечера, чтобы, когда с работы вернусь, закуски сразу на стол, а горячее сунуть в духовку.

День, в который была намечена наша встреча, выдался тяжелым. Клиенты шли один за другим, как в былые, «женские», времена. Зря мы сомневались. Фомич оказался прав. Я даже перекусить в обед едва успела.

К вечеру я вдруг сообразила: мобильник мой целый день молчит. Глянула — а он умер. Ничего удивительного. Я его несколько раз за лето роняла. Вот, видимо, и не выдержал. А если у Марка какие-нибудь изменения?

Я набрала его номер по городскому. Он обрадовался.

— Звоню, звоню, хотел за тобой по дороге заехать, а ты молчишь. Уже волноваться начал.

— Телефон сломался. Придется после работы идти новый покупать. Иначе моя дачная команда с ума сойдет.

— Не бери в голову. Сейчас по дороге куплю, а потом заеду. Может, еще чего надо?

— Главное, не забудь привезти себя! — весело откликнулась я.

Он вошел дочерна загорелый, волосы выгорели добела. Бороду только вот сбрил. Но она точно была, это я определила по более светлой нижней половине его лица. Родной! И такой красивый! Я едва удержалась, чтобы не броситься ему на шею.

В холле мы столкнулись с Римкой:

— Римочка, у вас завтра часок для меня найдется? — спросил Марк. — А то видите, в какого медведя превратился, — взъерошил он отросшую шевелюру.

— Только если на девять утра, — с важностью объявила она.

— Ну если моя Любовь разбудит меня так рано, тогда приду.

— Пусть уж постарается.

Римка кинула на меня завистливый взгляд и, вильнув крутым бедром, вышла из салона.

Собирается остаться у меня! Он наконец-то для себя решил!

Мы сели в машину. Я не могла на него смотреть. Меня колотило от желания. Марк тоже был напряженный и с такой силой сжимал руль, что костяшки пальцев побелели.

Мы подъехали к дому, вошли в подъезд. Марк хлопнул себя по лбу.

— Забыл мобильник и цветы.

— Разве потом нельзя. — Я умоляюще посмотрела на него.

— Все не так, но я больше не могу.

Он привлек меня к себе и начал целовать.

Как мы добрались до двери квартиры, совершенно не помню. Все же каким-то чудом я умудрилась отпереть замки. Продолжая целоваться, мы с Марком ввалились в переднюю.

В чувство меня привел возмущенный возглас дочери.

— Мама, как тебе не стыдно!

Марк, резко разжав объятия, отшатнулся. В дверях большой комнаты стояли рядышком Василиса и Слава... Оба с квадратными глазами. Это напоминало ночной кошмар. Как они здесь очутились и что здесь делают?

— Я недопонял, зачем ты меня вызывала, если... — таращась на Марка, проговорил Слава.

У меня пропал дар речи. Кошмар тем временем продолжался. Из кухни выплыла мама с приготовленным мною для Марка салатом, за ней следовал папа, неся мои пирожки.

— Здравствуйте! — поприветствовали родители Марка. — У нас в поселке авария. Свет выключили на несколько дней. Вот и решили приехать. Заодно и помоемся.

— А предупредить не могли? — наконец прорезался у меня голос.

— У тебя что-то с телефоном, — невозмутимо откликнулся папа. — Да и какая разница. Ключ и-то у нас есть.

— Марк, Славочка, давайте за стол, — скомандовала мама.

— Любочка в кои-то веки столько всего наготовила, — добавил папа.

— Мама, а дядя Слава тебе цветы принес! — объявила Василиса. — Пойди посмотри скорее!

— По-моему, я тут лишний, — пробормотал Марк. — Спасибо, Галина Сергеевна, я просто довез Любу, а теперь мне пора.

— Марк, Марк.

Я кинулась следом, но створки лифта уже сомкнулись. Я влетела обратно в квартиру. Слезы застили мне глаза.

— Ну что вы за люди! всю жизнь мне портите! Зачем вас принесло. И ты! — накинулась я на Славу. — Черт тебя дернул из своей Тюмени на мою голову свалиться именно сегодня! Тебя о чем просили? Только позвонить!

— Я и позвонил, — сипло откликнулся Слава. — А она, — он повернулся к Василисе, — сказала, что ты меня ждешь.

Дочь моя вдруг завывала в голос:

— Я думала... Я так хотела...

— Любочек, я ничего не понимаю... — начала было мама.

— Ах, не понимаешь? Не допирает, что жизнь мне сейчас разрушили? Он больше никогда не захочет со мной иметь дело! Он неправильно понял! Ах, что вам объяснять!

Схватив сумку, я вылетела из дома, поймала машину и поехала к Марку. Дорогой я тщетно давила на кнопки мертвого телефона, но он оживать не хотел, а новый так и остался у Марка.

Я звонила и звонила в домофон. Марк не открывал. Потом мне вслед за каким-то жильцом удалось проникнуть в подъезд. Но и дверь квартиры мне не открыли. Я прислушалась. Внутри явно никого не было.

— И пусть, пусть, — твердила я себе сквозь слезы. — Вот сяду на пол и буду ждать, пока не появится!

Меня трясли за плечо. Я проснулась.

— Люба, что ты тут делаешь? — Марк строго взирал на меня.

— Тебя, естественно, жду. Сколько времени?

— Четыре утра, — сухо ответил он.

Я с трудом поднялась на затекшие ноги.

— Неужели с тех пор сидишь? — По-моему, до него начало доходить.

— Ты ушел, а я сразу приехала.

— Зачем? — спросил он и распахнул дверь. — Заходи.

— Чтобы все объяснить.

Он хмыкнул.

— Объяснять ничего не надо. Итак все ясно. Ты выбирала, а сегодня накладочка получилась. Тебя еще в тот день, когда мы познакомились, дочка выдала: «Дядя Слава! Дядя Слава!» Она явно к нему привязана, я ей не нравлюсь.

Это она от него без ума, а не я. Не говоря уж о том, что у нас со Славой ровным счетом ничего не было. Закончилось, не начавшись. А Василиса один раз увидела и вцепилась. Хочется ей, чтобы отец был, как у других. А он первым с ней общий язык нашел.

— Но зачем ты его сегодня позвала? — потряс головой Марк. — Извини, не понимаю.

— Василисина самодеятельность. Я просто Славу просила позвонить, как приедет. Он вообще из Тюмени. Думала с Римкой познакомить. А он попал на Василису, вот она и решила семейное счастье организовать. А ты, дурак, взял и сбежал.

— Я не сбежал. Но в такой ситуации, согласишься, мне там нечего было делать. Только одного не понимаю: если все так, как ты говоришь, почему столько времени держала меня на расстоянии?

— Это ты от меня шарахался, как от зачумленной!

— Я? Это ты была как ледышка! Не поймешь, то ли нравлюсь, то ли нет. Чуть оттаешь, я приближусь, а ты снова, как холодом обдашь. Никаких эмоций!

— У меня никаких эмоций? Я первая, что ли, на шею тебе должна вешаться? Ты даже ко мне прикасаться боялся. Я уж решила, с тобой что-то не в порядке.

— Ужас! — выдохнул он. — Какие же мы с тобой идиоты! Столько времени зря потратили.

Он начал меня целовать. Потом, с трудом оторвавшись, сказал:

— Надо твоим позвонить. Они ведь с ума сходят. Сейчас предупрежу, что ты у меня...

Наутро я поинтересовалась:

— Ты-то где шлялся полночи?

Он потерся щекой о мое плечо. Я ойкнула. Щетина у него за ночь успела отрасти.

— Решил проверить поговорку: не везет в любви, повезет в деньгах. Пошел в казино. Проигрался в прах.

— Совсем? — встревожилась я.

— Не волнуйся. Тебе достался мужчина очень прагматичный. Проигрался в пределах отведенной для этого суммы. А потом решил, что народная истина врет, и поплелся домой. Оказалось, не врет. Да я бы ради такого исхода согласился проиграть еще больше.

— Может, мы их лучше потратим?

— Мне тоже такой вариант больше по душе. — Подхватив меня на руки, Марк закружился по комнате. — Мы же с тобой хотим настоящую большую свадьбу. — Он замер возле окна и с ехидной улыбкой добавил: — Всех пригласим. Даже Римму и Славу. Там, кстати, их и

познакомим.

mir-knigi.org